

День четвертый.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Дорогія читательницы, слыхалъ я не разъ и самъ читалъ въ умныхъ книжкахъ, что вихрь зависти налетаетъ и задъваетъ только возвышенности и выдающіеся предметы, но теперь убѣдился въ противномъ. Хотя я шель уединенной тропой, не стараясь возвыситься надъ уровнемъ обыденныхъ явленій, творя маленькія безобидныя новеллы, но все-таки не избѣгнулъ кары этого злого чувства. Ядовитое жало зависти коснулось меня, однако, я устоялъ и собственнымъ опытомъ убѣдился, что чувство зависти трогаеть только людей ничтожныхъ.

Критики мои прицаютъ меня, милыя дамы, за то, что своими безхитростными разсказами я старался позабавить васъ, указывая, что неприлично въ мои лѣта добиваться такимъ путемъ вниманія женщинъ. Другіе, слишкомъ заботясь о моей славѣ, упрекаютъ меня въ томъ, что я на пустяки трачу время, совѣтуя мнѣ лучше обратиться къ музамъ и заняться болѣе возвышенными темами. Третьи совѣтуютъ думать болѣе о приобрѣтеніи средствъ, чѣмъ заниматься такими пустяками. А есть и такіе, которые, чтобы унижить меня въ глазахъ моихъ читательницъ, утверждаютъ, что я сообщаю событія въ искаженной формѣ.

И въ то время, какъ я работаю для васъ, дорогія дамы, жало зависти и злобы угрожаетъ мнѣ. Но я стойко переношу всё нападки, даже не постаравшись отпарировать эти ядовитые уколы.

Вы, одни вы, дорогія читательницы, можете выступить на мою защиту. Трудъ мой еще не оконченъ, а уже сколько ударовъ выпало на мою долю, что мнѣ поневолѣ приходится защищаться.

Я хочу рассказать новинку въ собственное свое оправданіе, адресуя ее моимъ противникамъ:

Гуси брата Филиппо.

(посвящается моимъ противникамъ).

Въ городѣ Флоренціи проживалъ нѣкогда одинъ гражданинъ, по имени Филиппо Бальдучи. Человѣкъ онъ былъ хотя и незнатнаго происхожденія, но очень богатый, дѣловой и разумный. Онъ былъ женатъ и имѣлъ сына. Съ женой своей они жили въ любви и полномъ согласіи. Но счастье проходяще. Жена Филиппо умерла, оставивъ ему маленькаго сына. Смерть эта повергла Филиппо въ глубокое горе. Онъ пересталъ заниматься дѣлами, роздалъ все, что имѣлъ, и удалился на гору Азинаю, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, рѣшивъ посвятить себя Богу. Цѣлые дни онъ проводилъ въ молитвѣ, питаясь подаваніемъ и стараясь наставлять сына въ словѣ Божіемъ и отдалять его отъ всего земного. Прошло много лѣтъ, мальчикъ превратился въ юношу, достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста... Никогда не спускаясь съ горы и не бывая нигдѣ, кромѣ соседняго лѣса, юноша никогда никого не видалъ кромѣ звѣрей, и не понималъ, что на свѣтѣ существуетъ и другой полъ рода человѣческаго. Старикъ-же часто ходилъ во Флоренцію за милостыней.

Однажды юноша и говорить своему отцу:— Возьмите меня съ собой, отецъ, вы уже стары и слабы, покажите дорогу, и я стану ходить вмѣсто васъ и познакомлюсь съ нашими благочестивыми благотворителями. Представьте себѣ, когда васъ не будетъ на свѣтѣ, что я сдѣлаю, вѣдь я никого не знаю?

Старикъ согласился съ такими резонными доводами своего сына и, вѣруя въ его стойкость и набожность, взявъ его во Флоренцію. Молодой человѣкъ, очутившись въ городѣ, точно съ неба свалился, глаза его такъ и разбѣгались. Онъ пришелъ въ неописуемый восторгъ при видѣ прекрасныхъ домовъ, великолѣпныхъ дворцовъ, чудныхъ церквей, спрашивая у отца названіе каждой вещи. Перебѣгая взорами съ одного предмета на другой, онъ замѣтилъ группу красивыхъ женщинъ, возвращающихся со свадьбы. Осмотрѣвъ ихъ внимательно, онъ спросилъ у отца, что это такое?

— Не смотри, мой сынъ,—сказаль отецъ,—это нѣчто очень опасное.—Но, какъ это называется?—спросиль юноша. Старикъ, желая отвлечь вниманіе сына отъ такого суетного предмета и избѣгнуть болѣе подробныхъ объясненій, сказаль ему, что это гуси.

Юноша, не обращая болѣе вниманія на величественныя зданія и другіе окружающіе предметы, такъ и впился глазами въ эту группу.

— Отецъ, достань мнѣ такого гусеночка,—просиль онъ.

— Боже сохрани,—отвѣчалъ старикъ,—не помышляй объ этомъ, сынъ мой, это дурныя существа.

— Неужели дурныя существа могутъ быть такъ красивы на видъ?—вскричалъ юноша,—онъ прекраснѣе изображенныхъ у насъ ангеловъ, которыхъ вы мнѣ показывали. Возьмемъ того-нибудь, я самъ буду беречь и кормить его.

Поняль Филиппо, что природныя инстинкты сильнѣе всякихъ внушеній и раскаялся, что взялъ сына съ собою.

Но я прерываю свой разсказъ и возвращаюсь къ тѣмъ, для кого я это написалъ:

Многіе ставятъ мнѣ въ вину, что я слишкомъ увлекаюсь вами, прекрасныя дамы. Да, я смѣло сознаюсь, что восхищаюсь вами и ничего не нахожу въ этомъ достойнаго порицанія. Да развѣ это преступленіе любить васъ? любоваться

вашей чарующей красотой, вашей граціей и всѣми вашими прелестями? Если даже юноша, выросшій въ уединеніи, съ перваго взгляда почувствовалъ къ вамъ необъяснимое влеченіе, то за что-же карать меня, которому небо доровало нѣжное сердце, и который съ юности привыкъ преклоняться передъ вами и восторгаться вашей красотой. И если юный отшельникъ забылъ весь міръ, взглянувъ на васъ, то кто же осмѣлится порицать меня за это, развѣ только такой человекъ, который совершенно нечувствителенъ ко всему прекрасному. Но мнѣніе такихъ людей для меня не важно. И, несмотря на мои лѣта, заявляю, что до конца моихъ дней не перестану интересоваться и, въ свою очередь,

развлекать тѣхъ, о которыхъ такъ много размышляли Гвидо Ковалькони, Данте Алигieri и Чина де-Пистойа, которые всецѣло посвятили свое вниманіе вамъ прекрасныя дамы. Я могу привести много примѣровъ, что и въ глубокой древности люди большого ума старались заслужить расположеніе женщинъ. Но не стану отдаляться отъ моей главной темы.

Что касается совѣта отправиться на Парнасъ къ музамъ, то я не прочь бы отъ этого. Но можемъ ли мы всегда пребывать тамъ, да и музы останутся ли навсегда съ нами? Нельзя ставить въ вину чело-вѣку, что онъ, покинувъ музъ, ищетъ общества простыхъ смертныхъ женщинъ. Музы—женщины, а хотя женщины и не одарены качествами

музъ, но все же похожи на нихъ и само это сходство заставляетъ меня любить ихъ. Музы помогали мнѣ работать и внушали мнѣ мои вирши, но все же я писалъ не ради нихъ, а въ честь смертныхъ женщинъ. Набрасывая свои безхитростныя новеллы, я, значить, былъ все-таки близко къ Парнаусу.

Но что сказать мнѣ по адресу людей, совѣтующихъ мнѣ побольше заботиться о приобрѣтеніи средствъ? Конечно, еслибъ я пришелъ просить у нихъ хлѣба, они сурово сказали бы мнѣ:—иди заработай ихъ своими сказками! Такъ что-же? много поэтовъ приобрѣли немалыя средства, гораздо болѣе, чѣмъ какіе-либо корыстолюбивые коммерсанты. Знаменитые писатели прославили свою эпоху и составили себѣ безсмертіе, а жажда къ наживѣ погубила многихъ, гонявшихся только за приобрѣтеніемъ. Теперь, слава Богу, у меня хватитъ средствъ на пропитаніе, и если мнѣ придется впасть въ крайность, я стойко сѣмью перенести ее. А потому я никого не прошу сожалѣть обо мнѣ, я самъ о себѣ позабочусь. Говорящимъ, будто я искажаю событія, я предлагаю указать оригиналы, и если они плохо вяжутся съ моими рассказами, я первый готовъ исправить ихъ. Но если они не въ состояніи подтвердить фактами моихъ мнимыхъ погрѣшностей, то, значить, это они сами искажаютъ петицу, а не я.

Думаю, что мною сказаннаго совершенно достаточно. Лъщу себя надеждой, что съ Божьей помощью и пользуясь вашимъ вниманіемъ, дорогія читательницы, я окончу свой трудъ, отвернувшись отъ злобныхъ нападокъ дикой ярости. Что могутъ сдѣлать мнѣ враги мои? Въ худшемъ случаѣ, этотъ злой вѣтеръ закрутитъ меня какъ пылинку, поднимающуюся кверху и затѣмъ падающую на высокіе дворцы, на грандіозныя башни или на головы важныхъ особъ или простыхъ смертныхъ.

Однимъ словомъ, эта пылинка все-таки спускается не ниже земли. И я рѣшилъ, прекрасныя дамы, до конца дней моихъ служить вамъ и и восхвалять васъ. Это вполне согласно съ закономъ самой природы, и трудно бороться съ этимъ; нужны немалыя силы, чтобы сѣмью побѣдить эту природу. Нерѣдко люди, сильные умомъ и волею, все-таки падали въ этой неравной борьбѣ, такъ и я сознаюсь, что не имѣю достаточно энергіи, чтобы противостоять естественнымъ законамъ природы, да и не стараюсь имѣть ее. Такъ пусть противники мои сочтутъ за лучшее оставить меня въ покоѣ и пусть ихъ ледяныя сердца оцѣпенѣютъ въ вѣчной неподвижности, а я буду жить такъ, какъ считаю за лучшее. Но довольно объ этомъ... вернемся къ прерванному разсказу.

Новелла I.

Жестокій отецъ.

Танкредъ, принцъ салернскій, приказываетъ убить возлюбленнаго своей дочери и посылаетъ ей его сердце въ золотомъ кубкѣ. Дочь вливаетъ въ кубокъ ядъ, выпиваетъ его и умираетъ.

Солнце уже взошло, прогоняя съ неба звѣзды и уничтожая влажные тѣни ночи, когда король Филостато приказалъ разбудить все общество. Всѣ направились въ садъ, гдѣ развлекались до обѣда, который былъ сервированъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ ужинали наканунѣ. Отдохнувъ послѣ обѣда и подождавъ пока спадетъ жара, молодые люди и дамы собрались у прекраснаго фонтана и расположились обычнымъ порядкомъ. Тогда король приказалъ Фіаметтѣ начать новеллу. Эта молодая дама не заставила себя упрашивать и граціозно начала такъ:

Благородныя дамы! Нашъ король выбралъ для насъ сегодня очень печальную и тяжелую тему, въ особенности, если принять во вниманіе, что мы собрались сюда, чтобы развлекаться, и вмѣсто этого намъ придется говорить о горестяхъ и страданіяхъ, отъ которыхъ должны содрогнуться сердца слушателей и самого разсказчика. Король, по всей вѣроятности, хотѣлъ этимъ уравновѣсить удовольствіе, съ которымъ мы провели предыдущіе дни. Такъ или иначе, но приходится слѣдовать его приказанію, и поэтому я разскажу вамъ про одинъ случай, столь же трогательный сколь и печальный, и полагаю, что онъ заставитъ васъ проливать слезы.

Принцъ салернскій Танкредъ могъ бы считаться человѣкомъ вполне кроткимъ и гуманнымъ, еслибы въ старости не запятналъ своихъ рукъ человѣческой кровью. Онъ имѣлъ дочь, которую обожалъ болѣе всего на свѣтѣ. Долго выбиралъ онъ ей жениха, наконецъ, рѣшилъ отдать ее сыну герцога Капуанскаго, который, однако, векорѣ умеръ, а молодая вдова вернулась къ отцу.

Принцеса, по имени Сигизмунда, была красавица собою, стройная, граціозная, веселаго нрава и большого ума.

Танкредь, по прежнему нѣжно ее любившій, даже и не помышляя выдать ее вторично, принцеса же по своей скромности, считала неволькимъ заговаривать объ этомъ. Однако, обладая пылкимъ нравомъ, она рѣшила завести себѣ тайкомъ возлюбленнаго. Приглядѣвшись ко всемъ придворнымъ, она рѣшила, что самый достойный изъ нихъ: это молодой человекъ, Джускаро, хотя и не знатнаго происхожденія, но очень красивый, ловкій и благородный.

Встрѣчаясь съ нимъ часто, молодая принцеса все болѣе и болѣе увлекалась имъ. Молодой человекъ и самъ вскорѣ замѣтилъ явно прорывавшуюся склонность къ нему прекрасной вдовы и сталъ отвѣчать ей полной взаимностью.

Пылая взаимно нѣжной страстью, молодые люди, однако, не имѣли возможности иначе объясниться, какъ только взглядами. Принцеса не хотѣла никого дѣлать довѣреннымъ своей тайны и сама измышляла способъ встрѣтиться наединѣ. И вотъ, что надумала: написала она письмо, въ которомъ назначила время и мѣсто свиданія, вложила въ выдолбленную трость и, подавая ее Джускаро, сказала:—вотъ это для твоей служанки разводитъ огонь. Молодой человекъ понялъ, что въ этомъ былъ скрытый листъ. Возвратясь домой, онъ внимательно осмотрѣлъ трость, замѣтилъ отверстіе, вынулъ письмо и, прочитавъ его, виѣ себя отъ радости рѣшилъ дѣйствовать согласно указаніямъ красавицы.

Около дворца находилась пещера, вырытая въ скалѣ, черезъ отдушину проникалъ въ нее свѣтъ, но такъ какъ пещера эта давно была заброшена, то и отверстіе это заросло кустарникомъ и травой. Потайная лѣстница изъ этой пещеры вела прямо къ покоямъ принцессы, но отъ времени дверь эта такъ плохо подавалась, что съ трудомъ можно было открыть ее. Любовь изобрѣтательна, а потому Сигизмунда обратила вниманіе на эту пещеру, рѣшивъ, что Джускаро можетъ въ нее взобраться черезъ отдушину, сама же она спустилась по лѣстницѣ и съ большимъ трудомъ открыла тамъ дверь. Влюбленный Джускаро, увѣдомленный о мѣстѣ свиданія и глубинѣ пещеры, запасся веревочной лѣстницей и кожанымъ плащомъ, дабы предохранить себя отъ иглъ терновника, растущаго по краямъ пещеры.

Въ слѣдующую же ночь онъ привязалъ лѣстницу къ дереву и спустился въ пещеру. На другой день, послѣ обѣда, принцеса, ссылаясь на усталость и желаніе отдохнуть, отпустила своихъ приближенныхъ дамъ, а сама по потайной лѣстницѣ пробралась на мѣсто свиданія. Встрѣтивъ Джускаро, она провела его къ себѣ въ комнату, гдѣ онъ оставался до вечера, затѣмъ снова спустился въ подземелье, а принцеса позвала своихъ дамъ. Джускаро ночью тѣмъ же путемъ выбрался изъ пещеры.

Влюбленные часто видѣлись, скрывая свою любовь, а препятствія

только усиливали ихъ чувство. Но фортуна измѣнчива, ихъ радость превратилась въ горе.

Отецъ часто заходилъ въ комнату дочери. Однажды, онъ зашелъ къ принцессѣ послѣ обѣда, когда она гуляла по саду. Окна комнаты были закрыты, занавѣски спущены и Танкредъ рѣшилъ подождать ее прихода; онъ сѣлъ на скамейку и прикрылся пологомъ алькова. Въ такомъ положеніи онъ заснулъ. Сигизмонда же, горѣвшая желаніемъ поскорѣ видѣть своего возлюбленного, оставила дамъ въ саду, и пробравшись въ пещеру, вывела оттуда, по обыкновенію, Джускарю и провела къ себѣ въ спальню. Влюбленные, ничего не замѣчая, вполне отдались своей нѣжной страсти. Танкредъ проснулся и своими глазами увидѣлъ проступокъ дочери. Прежде всего, гнѣвъ овладѣлъ имъ и онъ хотѣлъ было крикнуть людей, чтобы уличить любовника, но затѣмъ раздумалъ, рѣшилъ не дѣлать шуму, чтобъ не позорить себя и свою дочь. У него явилась мысль наказать ихъ иначе. Затаивъ дыханіе, старикъ сидѣлъ недвижимъ. Но вотъ молодые люди рѣшили разетаться. Принцесса тѣмъ же путемъ проводила Джускарю, а Танкредъ, незамѣченный выбрался на балконъ и, сильно огорченный, прошелъ къ себѣ. Ночью слуги схватили Джускарю и привели къ Танкреду.

Опечаленный король осыпалъ его упреками.

— Я всегда былъ расположенъ къ тебѣ, Джускарю, и не оставлялъ тебя своими милостями, а ты такъ безчестно отплатилъ мнѣ!— говорилъ онъ.

— Любовь пересиливаетъ все,—отвѣчалъ смущенный юноша.

Танкредъ приказалъ заключить его подъ стражу.

На слѣдующій день онъ прошелъ послѣ обѣда къ дочери и сказалъ:

— Сигизмонда, я тебя считалъ честной женщиной, не способной на незаконную связь, и не повѣрилъ бы этому, еслибъ не увидалъ собственными глазами. Твой проступокъ навсегда покрытъ меня позоромъ. И если уже ты рѣшилась на это, то почему же не выбрала себѣ человѣка болѣе подходящаго по своему положенію, а подарила своимъ расположеніемъ Джускарю, человѣка, возвышеннаго только мною, но сомнительнаго происхожденія. Я даже не знаю, что долженъ я сдѣлать за это съ тобою. Моя нѣжность къ тебѣ побуждаетъ меня къ снисхожденію, но твой низкій поступокъ требуетъ наказанія по заслугамъ. Твой возлюбленный уже арестованъ и судьба его рѣшена, но прежде, чѣмъ что-нибудь предпринять относительно тебя, я желаю слышать, что ты мнѣ скажешь въ свое оправданіе?

Сигизмонда поняла, что интрига ея открыта, а Джускарю арестованъ. Рыданія такъ и волновали ея грудь; все тѣло трепетало, а на глазахъ накали слезы; но гордость сдержала эту женскую слабость и принцесса рѣшила лучше умереть, чѣмъ просить прощенія. Гордо поднявъ голову, она, смѣло глядя въ упоръ на короля, заговорила:— «Отецъ, я не отрицаю, я любила и люблю Джускарю. Не желаю просить твоей

милости и пробуждать въ тебѣ былую нѣжность, — это бесполезно. Я хочу только защитить мою честь. Да, повторяю, я любила Джускаро и буду любить его до смерти и за гробомъ. Не слабость женщины толкнула меня въ объятія Джускаро, а его выдающіяся достоинства и твое нежеланіе выдать меня вторично замужъ. Ты самъ человѣкъ, отецъ, изъ крови и плоти, такъ вспомни, что и я не изъ мрамора и желѣза, и хотя ты уже старъ, но пойми свою молодость и сознай, какъ сильны страсти людекія. Я молода, я въ полномъ расцвѣтѣ силъ, а потому въ сердцѣ моемъ вспыхнуло естественное чувство любви. Я долго боролась, но природа сильнѣе меня, и когда увидала, что не могу побѣдить своихъ страстей, я выбрала себѣ человѣка достойнаго по своимъ качествамъ, и не моя вина въ томъ, что онъ незнатнаго происхожденія. Да развѣ

вы, не знаете что судьба слѣпа и часто даетъ недостойнымъ людямъ то, что должно бы было сдѣлаться принадлежностью людей, которые этого заслужили! Неужели же вы будете рабомъ предрасудковъ и накажете человѣка только за то, что онъ, по своему происхожденію, не заслужилъ прощенія, но развѣ это вина его? Мы, вѣдь, дѣти Одного Отца, созданные по одному образу и подобию и подверженные одинаковымъ слабостямъ. Люди, выдѣлившіеся изъ общаго уровня, приобрѣли названія благородныхъ и всякій, кто поступаетъ согласно правиламъ чести, заслуживаетъ это названіе. Будь безпристрастенъ, взгляни и сравни Джускаро со всѣми твоими придворными и ты увидишь, что по своимъ достоинствамъ онъ превосходитъ ихъ всѣхъ. Ты самъ хвалилъ и вы-

двигалъ его изъ среды остальныхъ, а онъ заслуживалъ даже большаго. Сказавъ, что человекъ этотъ недостойнъ, по своему положенію, вниманія моего, ты скажешь неправду, и если онъ бѣденъ, то въ этомъ уже твой стыдъ, а не его, такъ какъ ты, значить, не счумѣлъ оцѣнить его заслуги. Бѣдность не исключаетъ благородства. Многіе знатные міра сего нерѣдко впадали въ крайность и, наоборотъ, люди незнатнаго происхожденія приобрѣтали богатства. Ты сказалъ, что не знаешь, что дѣлать со мною? Что же тебѣ раздумывать, будь жестокъ въ старости, ты, вѣдь, былъ такъ милостивъ въ молодости. Я не буду просить у тебя снисхожденія и готова раздѣлить участь Джускаро. Убей насъ однимъ ударомъ обоихъ, если мы это заслужили.

Танкредъ зналъ силу воли и твердость своей Сигизмонды, но не думалъ, что она рѣшится умереть. Покинувъ ее, онъ приказалъ въ эту же ночь повѣсить Джускаро, надѣясь, что смерть возлюбленнаго уничтожитъ пылкую страсть его дочери.

Согласно приказанія короля изъ трупа Джускаро вынули сердце и принесли его Танкреду. Старикъ взялъ золотой кубокъ, опустилъ туда сердце и послалъ своей дочери, приказавъ передать:—«что это посылаеть онъ ей, какъ дорогой подарокъ, чтобъ утѣшить ее въ потерѣ и порадовать такъ, какъ порадовала она его».

Сигизмонда твердо рѣшила покончить съ собой. Она достала себѣ яду. Получивъ этотъ подарокъ, молодая женщина поняла—кому принадлежало это мертвое сердце. Но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ красавицы.—«Скажи моему отцу,—отвѣчала она посланнику,—что такое сердце дѣйствительно достойно золотого гроба; онъ оцѣнилъ его по достоинству». И, поцѣловавъ сердце Джускаро, она продолжала: «Мой отецъ этимъ подаркомъ доказалъ мнѣ всю свою нѣжность и заботу, передай ему мою благодарность».

Затѣмъ, устремивъ глаза свои снова на кубокъ, она заговорила:—«О сердце, въ которомъ почерпала я всю мою радость, все мое счастье! Будь проклята жестокость того, кто показалъ тебя моимъ тѣлеснымъ очамъ. Твое назначеніе окончено, ты достигъ того, чѣмъ и всѣ кончаютъ, и твой врагъ далъ тебѣ по заслугамъ золотую гробницу. На твоихъ похоронахъ не хватало только слезъ женщины, горячо тебя любившей. Но ты ихъ получишь. Жестокій отецъ, я думала умереть безъ единой слезы, но это мертвое сердце раздираетъ мнѣ душу. Ты хорошо сдѣлалъ, приславъ это сердце, источникъ всѣхъ моихъ радостей, такъ любившее меня при жизни. Я омою его слезами и затѣмъ послѣдую за моимъ избранникомъ, чтобы уже болѣе никогда не разлучаться».

Обильныя слезы струились изъ прекрасныхъ глазъ красавицы и падали въ золотой кубокъ. Окружающія дамы были крайне смущены; ничего не зная, онѣ не понимали причины ея глубокаго горя. Наконецъ, отеревъ слезы, принцесса уже твердымъ голосомъ продолжала:—«о, дорогое мнѣ сердце, мнѣ только остается придти къ тебѣ на вѣки!»—Съ этими словами

она взяла флаконъ съ ядомъ и вылила въ кубокъ. Ядъ смѣшался съ ея слезами. Безстрашно приложила она этотъ кубокъ къ своимъ устамъ и выпила все до единой капли. Затѣмъ, прилегла на свое ложе и, прижавъ къ своей груди мертвое сердце своего милаго, стала ожидать смерти.

О всемъ происшедшемъ донесли Танкреду. Король, перепуганный, прибѣжалъ въ комнату дочери. Понявъ все, онъ зарыдалъ у ея ногъ.

— Отецъ, не плачь надъ тѣмъ, что совершилъ собственными руками. Последняя просьба моя къ тебѣ; если ты хоть сколько-нибудь еще любишь меня, исполни ее: положи мое тѣло рядомъ съ трупомъ Джускаро. Позволь послѣ смерти быть вмѣстѣ, такъ какъ при жизни ты разъединилъ насъ!—Чувствуя скорый конецъ, она снова прижала это сердце къ груди своей. Затѣмъ вѣки ея сомкнулись и она потеряла сознание. Смерть наступила.

Таковъ былъ печальный конецъ Джускаро и Сигизмонды. Жестокій отецъ, пораженный горемъ, плакалъ и каялся, но было уже поздно. Съ большою пышностью похоронили въ одной гробницѣ этихъ иѣжныхъ любовниковъ, которыхъ искренно оплакивали все жители города.

Новелла II.

Наказанный лицемеръ.

Братъ Альберто убѣждаетъ одну молодую венеціанку, будто въ нее влюбленъ ангель и подъ видомъ послѣдняго много разъ является къ ней. Испугавшись ея родителей онъ выскакиваетъ изъ окна и скрывается въ домъ одного бѣдняка. Послѣдній принимаетъ его за динаря и ведетъ на площадь. Тутъ его узнаютъ товарищи-монахи хватаютъ и сажаютъ въ тюрьму.

Новелла, только что рассказанная Фіаметтой, нѣсколько разъ вызвала слезы на глазахъ слушательницъ. Когда она окончила, король съ печальнымъ и серьезнымъ лицомъ сказалъ: Я пожертвовалъ бы безъ сожалѣнія свою жизнь, лишь бы только испытать половину блаженства, какимъ наслаждались Джускаро со своей прелестной Сигизмондой. Вы совѣтъ не удивились бы этому если бы знали, что испытываемыя мною мученія въ тысячу разъ хуже смерти, но не даютъ мнѣ въ возмещеніе ни одного мига блаженства. Но я не буду распространяться о моемъ горѣ; я прошу Пампинею рассказать какую-нибудь грустную исторію, которая отчасти напомнила бы мою собственную судьбу. Если ея новелла будетъ похожа на рассказъ Фіаметты, то она будетъ для меня росой, которая охладитъ пламя, пылающее въ моемъ сердцѣ.

Пампинея повиновалась. Судя о настроеніи общества скорѣе по самой себѣ чѣмъ по чувствамъ, высказаннымъ королемъ, она рѣшила повѣдать менѣ печальную новеллу, желая скорѣе развлечь своихъ подружь, чѣмъ исполнить предложеніе Филострато. И вотъ она начала:

Народная поговорка гласитъ, что самымъ опаснымъ является дурной человѣкъ, котораго считаютъ хорошимъ. Это изреченіе даетъ мнѣ тему для разсказа и возможность познакомить васъ съ тѣмъ, насколько велико лицемеріе нашихъ отцовъ церкви, которые въ своихъ длинныхъ и широкихъ одеждахъ съ поддѣльной блѣдностью на лицѣ расточаютъ сладкія и кроткія слова, чтобы выпросить чужое добро и принимаютъ

громкій и сухой тонъ, чтобы громить чужіе пороки, въ коихъ грѣшны сами. Когда слышишь ихъ увѣренія, будто они, собирая приношенія, исполняютъ свой долгъ, а мы, отдавая свое имущество, исполняемъ свой, когда засимъ видишь ихъ обѣщанія устроить одному лучшее, другому худшее мѣсто въ раю въ зависимости отъ того, кто былъ болѣе, по ихъ мнѣнію, щедрѣ, то кажется, что они вовсе не должны своими поступками стараться какъ мы заслужить вѣчное блаженство, а что они уже владѣльцы и хозяева въ раю. Если бы мнѣ было позволено показать ихъ въ настоящемъ свѣтѣ! Даѣ Богъ, чтобы всѣ они были наказаны за свое лицемеріе, какъ былъ наказанъ одинъ изъ нищенствующихъ братьевъ, который пользовался когда-то въ Венеціи большимъ именемъ. Я разкажу вамъ про его приключеніе, дабы разсѣять вашу печаль, навѣянную смертью несчастной Сигизмонды.

Въ городѣ Имола проживалъ одинъ негодяй, по имени Бертоделла Масса. Не пользуясь ничимъ довѣріемъ, онъ никогда ни въ чемъ никого не могъ убѣдить. Берто рѣшилъ, что невыгодно оставаться ему въ своемъ родномъ уголкѣ, пользуясь такой дурной репутациею. Онъ отправился въ Венецію, куда стекаются много подобныхъ бродягъ. Сдѣлавъ видъ, что онъ раскаялся и готовъ идти по пути къ спасенію, онъ вступилъ въ орденъ нищенствующей братіи подъ именемъ Альберто изъ Имола. Одѣвъ рясу и принявъ наружный видъ строгаго постника, онъ сталъ сурово относиться къ своей жизни и ко всѣмъ, къ нему приходившимъ, въ тайнѣ же предавался полному невздержанію. Онъ умѣлъ ловко скрывать свои прежніе пороки. Благодаря проповѣдямъ и умѣнью во время проливать слезы покаянія, братъ Альберто приобрѣлъ всеобщее расположеніе. Всѣ, составлявшіе завѣщаніе, дѣлали его своимъ душеприкащикомъ, таково къ нему было довѣріе окружающихъ. Большинство шло къ нему на исповѣдь, нуждаясь въ его совѣтахъ и указаніяхъ. Но это былъ волкъ въ овечьей шкурѣ.

Однажды явилась къ нему на исповѣдь одна молодая хорошенькая, но очень глухая женщина, по имени Лизетта, мужъ которой отплылъ во Фландрію. Лизетта стала откровенно каяться во всѣхъ прегрѣшеніяхъ. Братъ Альберто спросилъ—есть-ли у нея любовникъ.

— Да, вѣдь, я лучше всѣхъ, отецъ мой,—отвѣчала Лизетта,—гдѣ же найдется человѣкъ, достойный моей благосклонности. И въ раю, конечно, я казалась бы красавицей.

Замѣтивъ скудость ея умственныхъ способностей, но оцѣнивъ ея молодость и красоту, братъ Альберто воспылялъ къ ней страстью; но онъ ничего не далъ понять ей, отложивъ это до болѣе удобнаго случая. Напротивъ, читалъ ей наставленіе, укорялъ ее въ тщеславіи. Красавица покинула своего духовника очень недовольная.

Спустя нѣсколько дней, братъ Альберто, вмѣстѣ съ однимъ своимъ другомъ, отправился къ Лизеттѣ. Уединившись съ ней, онъ бросился на

колѣни и сталъ просить прощеніе въ томъ, что слишкомъ рѣзко говорилъ съ ней.

— За васъ я получилъ ночью сильное наказаніе,— говорилъ онъ,— меня всего избили.

— Кто же это васъ билъ,—спросила наивная Лизетта.

— Слушайте, я вамъ расскажу. Когда послѣ вашего ухода я молился ночью въ своей кельѣ, вдругъ она озарилась чуднымъ свѣтомъ и появился юноша въ бѣлыхъ одеждахъ. Онъ схватилъ меня, повалилъ на землю и сталъ нещадно бить тростью. «Это тебѣ за то, что ты осмѣлился порицать такую красавицу, какъ Лизетта», — приговаривалъ онъ.

— Кто же это былъ?—спросила глупая женщина.

— Это былъ ангелъ,—отвѣчалъ братъ Альберто.—Онъ прибавилъ, что еще болѣе избобеть меня, если я не испрошу у васъ прощенія.

Глупая женщина вполнѣ повѣрила словамъ аббата.

— Я предупреждала васъ, отче, что я обладаю небесной красотой. По своей добротѣ я охотно прощаю васъ, только расскажите мнѣ подробно все, что говорилъ ангелъ.

— Ради Бога, не довѣряйте только никому этой тайны,— просилъ Альберто,—я все расскажу вамъ. Слушайте, ангелъ велѣлъ мнѣ передать вамъ, что вы ему нравитесь, что онъ охотно побесѣдовалъ бы съ вами наединѣ, принявъ человѣческой обликъ. Назначьте время, когда онъ можетъ явиться и въ чемъ образѣ желаете вы его принять?

Польщенная этимъ Лизетта съ большей готовностью изъявила желаніе принять ангела, когда ему будетъ угодно, и во всякомъ образѣ, лишь бы только не страшномъ.

— Хорошо,—сказалъ монахъ,—я передамъ ангелу вашъ отвѣтъ, но и самъ буду просить у васъ одной милости: разрѣшите ангелу явиться въ моемъ образѣ. Вамъ это все равно, а я получу неизяснимое блаженство, такъ какъ душа моя, въ то время, какъ ангелъ будетъ пребывать въ моемъ тѣлѣ, отправится въ рай.

— Я согласна сдѣлать вамъ эту милость, въ утѣшеніе за то, что вы изъ-за меня претерѣли,—отвѣчала глупая женщина.

— Не запирайте сегодня вечеромъ вашихъ дверей,— продолжалъ обрадованный Альберто,—ангелъ явится подъ видомъ человѣка, а потому долженъ входить какъ и простые смертные. Лизетта общалась, и довольный монахъ, уладивъ дѣло—отправился къ себѣ.

Глупая женщина съ нетерпѣніемъ стала дожидаться посѣщенія ангела.

Съ наступленіемъ вечера Альберто отправился къ одной своей знакомой старухѣ, вѣрной его помощницѣ въ подобныхъ дѣлахъ; переодѣлся тамъ въ бѣлую одежду, подвязалъ крылья и отправился въ такомъ видѣ къ своей красавицѣ. Лизетта, увидѣвъ бѣлоснѣжное одѣяніе ангела,

преклонила съ благоговѣніемъ колѣно. Ангелъ милостиво поднялъ ее и, осыпая нѣжными ласками, доказалъ, какъ умѣютъ любить ангелы подобнаго сорта. Съ наступленіемъ утра онъ ее покинулъ и благополучно вернулся къ своей знакомой, а затѣмъ пробрался обратно въ монастырь.

На утро же глупая женщина полетѣла къ брату Альберто и рассказала ему о посѣщеніи ангела.

— Не знаю, что было съ моимъ тѣломъ,—отвѣчалъ монахъ,—но душа моя пребывала въ раю до самаго утра.

Итакъ долгое время продолжались тайныя ночныя визиты «ангела» къ красавицѣ.

Но вотъ; однажды, Лизетта, болтая съ своей подругой, не утерпѣла и, желая похвастать, сказала:

— Еслибы вы знали, кто очарованъ моею красотой, то согласились бы, что въ этомъ отношеніи нѣтъ мнѣ подобной.

Подруга ея, желая выпытать что-нибудь отъ этой дуры, сказала:

— Не буду спорить, но и судить не берусь, такъ какъ не знаю, о комъ вы говорите.

— Я открою вамъ мою тайну, въ подтвержденіе этихъ словъ,—продолжала Лизетта,—слушайте, меня любитъ и находитъ красивѣйшей женщиной въ мірѣ ангелъ.

Подруга еле удержалась отъ смѣха, услыхавъ подобный вздоръ.

— Согласна съ вами, если вы это утверждаете,—отвѣчала она,—но только не вѣрите мнѣ, что ангелы умѣютъ влюбляться.

— Ошибаетесь, — настаивала Лизетта, — меня любить и посѣщаетъ ангелъ, такъ какъ и въ раю нѣтъ мнѣ подобной.

Подруга ушла; на другой же день она рассказала своему мужу и знакомымъ эту необыкновенную исторію, а черезъ два дня уже вся Венеція говорила о похожденияхъ Лизетты. Слухъ этотъ дошелъ и до ея зятя, которые рѣшили во чтобы то ни стало поймать ея ангела.

Какъ только Альберто появился, по своему обыкновенію, у Лизетты, зятя, выслѣдившіе его приходъ, бросились къ дверямъ и стали требовать, чтобы ихъ впустили. Перепуганный на смерть Альберто, выпрыгнулъ въ окно и попалъ прямо въ каналъ. Умѣя хорошо плавать, онъ не подвергся опасности, переплылъ каналъ и, вбѣжавъ въ первый по-

павшійся домъ, сталъ умолять хозяина спасти ему жизнь, объясняя свое необычайное появленіе въ этотъ часъ и въ такомъ видѣ вымышленной исторіей о какомъ-то преслѣдованіи. Хозяинъ пожалѣлъ, впустилъ его, уложилъ въ постель. Но самъ заперевъ двери, ушелъ по своимъ дѣламъ.

Войдя въ комнату Лизетты, зятя не нашли никого, кромѣ ангельскихъ крыльевъ. Разбравивъ хорошенько свою родственницу за легковѣріе и взявъ ангельское одѣяніе, они, недовольные своей неудачей, ушли.

Хозяинъ же, у котораго укрылся Альберто, побывавъ на мосту Ріальто, услышалъ о ночномъ посѣщеніи ангела у Лизетты и о томъ, какъ онъ удралъ оттуда, бросившись въ каналъ, понявъ, что запертый у него дома и есть этотъ ангелъ.

Возвратившись домой, онъ потребовалъ 50 дукатовъ за сохраненіе этой тайны. Альберто согласился, умоляя не выдавать его и помочь выбраться изъ дома; послѣднее было очень трудно, такъ какъ родственники Лизетты всюду разставили стражу.

— Есть только одинъ способъ выбраться отсюда, — сказалъ венеціанецъ, — сегодня у насъ гулянье на площадяхъ, приводятъ ряженыхъ въ костюмахъ звѣрей, охотниковъ и дикарей. Когда эта забава кончается, всѣ расходятся. Я васъ также наряжу и, такимъ образомъ, выведу васъ отсюда. Альберто ничего не оставалось иного, какъ согласиться.

Венеціанецъ обмазалъ медомъ монаха, облѣпилъ нухомъ, надѣлъ на лицо маску, далъ палку въ руки, а въ другую веревку, привязанную къ ошейникамъ двухъ собакъ и превратилъ, такимъ образомъ, почтеннаго отца въ лѣснаго дикаря. Самъ же послалъ сказать на мосту Риальто, что всѣ желающіе видѣть ночного ангела, могутъ полюбоваться имъ на площади св. Марка. Привелъ онъ дикаря на площадь и привязалъ его къ столбу въ ожиданіи охоты. Мухи и другія насѣкомыя жалили нещадно лѣснаго человѣка. Венеціанецъ, видя, что ужъ площадь достаточно наполнилась народомъ, подошелъ къ Альберто и сказалъ:

— Господа, чтобы вы не подумали, что даромъ потратили время прийдя сюда, я вамъ устрою маленькое развлеченіе — покажу вамъ ангела, являющагося утѣшать молодыхъ венеціанокъ. Вотъ онъ! И при этихъ словахъ онъ сорвалъ маску съ несчастнаго Альберто.

Толпа съ крикомъ и бранью бросилась на монаха и забросала его грязью. Шумъ этотъ достигъ и до монастыря. Собратья Альберто прибѣжали, чтобы извлечь его изъ этого позора. Набросили кое-какъ на него одежду, отвязали и увели въ монастырь. Затѣмъ онъ былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ. Такова исторія обманщика, долгое время морочившаго людей своимъ наружнымъ благочестіемъ. Онъ понесъ заслуженное наказаніе, и да постигнетъ всѣхъ похожихъ на него такая же участь!

Новелла Ш.

Послѣдствія ревности.

Трое юношей, влюбленныхъ въ трехъ сестеръ, бѣгутъ съ ними на островъ Критъ. Старшая убиваетъ въ припадкѣ ревности своего любовника; вторая спасаетъ ей жизнь, отдавшись критскому герцогу, за это ея возлюбленный убиваетъ ее и бѣжить съ Крита со старшей. Младшую сестру и ея любовника обвиняютъ въ этомъ преступленіи и сажаютъ въ тюрьму, гдѣ пытками заставляютъ признать себя виновными въ убійствѣ. Они избавляются отъ казни, подкупивъ огромной суммой сторожей, и бѣгутъ на островъ Родосъ, гдѣ умираютъ въ нищетѣ.

Когда Пампинея умолила, король оставался нѣкоторое время въ размышленіи. Обратившись засимъ къ рассказчицѣ, онъ сказалъ:

— Конецъ вашей новеллы содержитъ много интереснаго и онъ мнѣ понравился, но начало вызвало слишкомъ много смѣха, а я предпочелъ бы его не слышать.

Обратившись послѣ этого къ Лауреттѣ, онъ сказалъ:

— Постарайтесь, чтобы ваша новелла была если, возможно, лучше.

Лауретта отвѣчала съ улыбкой:

— Вы также слишкомъ жестоки по отношенію къ возлюбленнымъ, ибо всегда желаете имъ нести горе и заботы и никогда не радуетесь ихъ успѣхамъ. И вотъ я слѣдую вашимъ приказаніямъ и расскажу вамъ исторію, въ которой три влюбленные пары имѣли очень мало радостей отъ своей любви, которая для всѣхъ ихъ кончилась одинаково несчастливо.

Сказавъ это, она начала:

Всякій порокъ, какъ вы безъ сомнѣнія знаете, причиняетъ, прежде всего, зло тому, кто ему подверженъ, и приноситъ несчастье другимъ. Но изъ всѣхъ пороковъ, подвергающихъ насъ наибольшимъ опасностямъ и несчастьемъ, самый ужасный—это гнѣвъ, это необузданное внезапное чувство, способное натворить массу несправедливостей. Хотя страсть эта свойственна и женщинамъ и мужчинамъ, но первыя сильнѣе подвергнуты

ей и бывают доведены ею до крайностей, гораздо болѣе опасных и трагическихъ, ибо женщины гораздо вспыльчивѣе и дѣйствуютъ менѣе обдуманно. Этому не слѣдуетъ удивляться, ибо если мы хорошенько подумаемъ, то увидимъ, что огонь легче охватываетъ легкія и нѣжныя вещества, чѣмъ плотныя и тяжелыя. А мы, женщины, не въ обиду будь сказано мужчинамъ, гораздо деликатнѣе и чувствительнѣе ихъ. Но если мы легко поддаемся вспышкамъ гнѣва, но за то смягчаемъ его своей добротой, своей ласковостью, а также наслажденіями, которыя мы даемъ живущимъ съ нами мужчинамъ. Въ видахъ предостереженія отъ этого ужаснаго недостатка, я расскажу вамъ исторію про трехъ молодыхъ людей и ихъ возлюбленныхъ, любовь коихъ окончилась трагически вслѣдствіе необузданнаго гнѣва одной изъ любовницъ.

Марсель, какъ извѣстно лучшій и древнѣйшій городъ Прованса, бывшій нѣкогда значительнымъ торговымъ портомъ. Среди негоціантовъ этого города былъ извѣстный богачъ, по имени Нарнальдо Клуада, человекъ хотя и не высокаго происхожденія, но весьма уважаемый гражданами. У него было много дѣтей, изъ которыхъ три дочери уже были взрослыя дѣвицы. Старшую звали Нинетта, вторую Маделена, а третью Бертелла.

Въ Нинетту былъ страстно влюбленъ одинъ молодой, но бѣдный дворянинъ, по имени Ростальоне. Нинетта отвѣчала ему полной взаимностью. Она ревниво скрывала отъ всѣхъ свое чувство.

Случилось, что два молодыхъ друга Фолько и Угетто, люди богатые, одинокіе, влюбились въ сестеръ Нинетты. Фолько въ Маделену, а Угетто въ Бертеллу. Нинетта передала объ этомъ своему возлюбленному, а этотъ послѣдній рѣшилъ съ помощью двухъ молодыхъ людей поправить свои средства.

Познакомившись и сблизившись съ ними, онъ предложилъ имъ такой планъ: Всѣ мы, сказалъ онъ, любимъ трехъ сестеръ. Соединимъ наши средства, затѣмъ раздѣлимъ ихъ поровну, на три части, заберемъ нашихъ подругъ и уѣдемъ куда-либо, чтобы въ полномъ спокойствіи и радости зажить къ собственному удовольствію. Такой планъ понравился молодымъ людямъ, сильно увлеченнымъ дѣвушками, и они охотно согласились.

При свиданіи съ Нинеттой Ростальоне сообщилъ ей свои намѣренія. Дѣвушка была въ восторгѣ, такъ какъ страстно желала открыто соединить свою судьбу съ другомъ сердца. Она обѣщалась также уговорить и сестеръ.

Молодые люди посовѣтовавшись рѣшили отплыть на о. Критъ. Фолько и Угетто распродали все свое движимое и недвижимое имущество, подъ тѣмъ предлогомъ, что желаютъ заняться торговлей, приобрѣли небольшой корабль и стали выжидать удобнаго случая, чтобы отплыть въ Канцію.

Нинетта, съ своей стороны, уговорила сестеръ, также не мало увлеченныхъ этими молодыми людьми. И вотъ три юницы, открывъ сундукъ отца и забравъ съ собою деньги и драгоценности, ночью, никѣмъ незамѣченные, сѣли на корабль со своими возлюбленными и отплыли изъ Марсея. Попутный вѣтеръ все время благопріятствовалъ бѣглецамъ. Вечеромъ они прибыли въ Геную, гдѣ двѣ младшія сестры Нинетты впервые дали полныя доказательства любви своимъ избранникамъ. Чувство Ростальоне къ своей Нинеттѣ, не стѣсняемое препятствіями, тоже получило нѣкоторую прелесть новизны.

Пробывъ нѣсколько времени въ Генуѣ и запасшись всею необходимымъ, они направились дальше и добрались до Крита. Тамъ они приобрѣли землю, выстроили дома и пользуясь богатствомъ и удобствами зажили вполне довольные и счастливые. Но людямъ, пользующимся безпрепятственно всякими благами, скоро все прѣдается. Они пресыщаются такой жизнью и ищутъ новизны. Такъ случилось и съ Ростальоне. Онъ мало-по-малу охладѣлъ къ своей Нинеттѣ. Однажды, на какомъ-то празднествѣ онъ увидалъ одну красивую молодую критскую дворянку, къ которой почувствовалъ нѣжное влеченіе. Ростальоне сталъ ухаживать за ней и добиваться ея взаимности. Нинетта ревновала и слѣдила за своимъ возлюбленнымъ.

Препятствія только разжигали страсть Ростальоне, а упреки и ревность Нинетты раздражали его и усиливали его влеченіе къ другой.

Нинетта поняла, что Ростальоне разлюбилъ ее, окончательно увлекшись другою. Пылая ревностью, она рѣшила умертвить своего друга, возненавидѣвъ его за причиненную ей обиду.

На островѣ Критѣ жила одна старуха, умѣвшая готовить сильныя яды. Нинетта купила у ней нужное ей средство, влила его въ питье и дала выпить своему Ростальоне. Отрава была такъ сильна, что молодой человекъ умеръ въ ту же ночь.

Сестры Нинетты и ихъ возлюбленные не подозрѣвали, отчего умеръ Ростальоне. Тѣло его похоронили очень торжественно.

Однако, спустя нѣкоторое время, старуха, составительница ядовъ, попала въ какомъ-то преступленіи и подъ пыткой созналась во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ, выдавъ между прочимъ и Нинетту.

Бритскій герцогъ приказалъ тайно арестовать молодую женщину, которая также созналась въ отравленіи своего друга.

Это событіе сильно огорчило сестеръ и онѣ вмѣстѣ обдумывали планъ, какъ бы спасти несчастную, приговоренную къ сожженію на кострѣ.

Красивая молоденькая Маделена, за которой давно безуспѣшно ухаживалъ самъ герцогъ, рѣшила цѣною своей любви получить свободу сестры. Она извѣстила герцога о томъ, что готова раздѣлить его страсть, если онъ отпуститъ Нинетту.

Нелегко это было сдѣлать даже и герцогу, но страсть къ Маделенѣ побѣдила его колебанія и онъ отвѣчалъ, что готовъ выполнить это условіе.

Герцогъ въ эту же ночь велѣлъ взять Угетто и Фолько, какъ бы для привлеченія къ допросу, а самъ пробрался къ Маделенѣ, куда привелъ съ собою Нинетту въ видѣ вознагражденія за ея любовь.

Герцогъ посовѣтовалъ молодой женщинѣ хорошенько спрятать сестру, а затѣмъ тайно отправить ее изъ Крита.

Утромъ освобожденные Угетто и Фолько возвратились домой. Какъ ни старалась скрыть сестру Маделена, ей это не удалось. Фолько узналъ и у него явилось подозрѣніе, что это устроилъ герцогъ ради Маделены.

Онъ сталъ допрашивать свою возлюбленную, какимъ образомъ удалось ей освободить Нинетту и сколько та не увертывалась и не измышляла объясненій онъ не повѣрилъ, требуя сказать правду. Маделена во всемъ повинилась. Разгнѣванный Фолько схватилъ шпагу и поразилъ на смерть свою подругу.

Боясь наказанія и гнѣва герцога, онъ прошелъ къ спрятанной Нинеттѣ и какъ ни въ чемъ не бывало сказалъ: ѣдемъ, я провожу тебя съ Крита. Молодая женщина, опасаясь новаго ареста, согласилась и попрощавшись съ сестрой послѣдовала за Фолько. Съли они на корабль и покинули островъ, захвативъ очень немного денегъ, такъ какъ надо было спѣшить. Куда они направились — неизвѣстно.

На утро Угетто и Бертелла были арестованы по подозрѣнью въ убійствѣ Маделены. Несчастная чета, опасаясь казни, подкупила стражу и бѣжала на островъ Родосъ. Тамъ жили они въ страшной бѣдности и скончались въ молодыхъ годахъ, угнетенные всяческими лишеніями.

Такъ, вслѣдствіе ревности Нинетты и необдуманнаго гнѣва Фолько, произошло столько серьезныхъ несчастій.

Новелла IV.

Дочь тунисскаго царя.

Джербино, несмотря на клятву, данную его дѣдомъ королю Гвильямо, нападаетъ на корабль тунисскаго царя съ намѣреніемъ похитить его дочь. Послѣднюю во время сраженія убиваютъ. Джербино захватываетъ корабль, убиваетъ весь экипажъ и присуждается за это къ обезглавленію.

Лауретта окончивъ новеллу умолкла; всѣ сокрушались о судьбѣ возлюбленныхъ и порицали гнѣвъ и ревность Нинетты; каждый высказывалъ свое мнѣніе по этому поводу. Наконецъ король, какъ бы вышедшій изъ глубокой задумчивости, поднялъ глаза и знакомъ пригласилъ Элизу начать новеллу. Та повинуваясь начала такъ:

— Прелестныя дамы. Многіе люди думаютъ, что можно влюбиться только увидѣвши будущій предметъ своей страсти, и смѣются надъ тѣми, кто утверждаетъ, что можно полюбить по наслышкѣ. Новелла, которую я вамъ расскажу, доказываетъ, что послѣдніе ошибаются. Изъ нея вы узнаете про страсть, которая вспыхнула въ сердцахъ двухъ юныхъ существъ, знавшихъ другъ друга лишь по слухамъ, и которая привела ихъ къ трагической смерти.

Гвильомъ II, король Сициліи, имѣлъ двоихъ дѣтей: мальчика по имени Руджіери и дочь Констанцію. Руджіери умеръ ранѣе отца, оставивъ ему своего сына по имени Джербино, котораго дѣдъ сталъ воспитывать съ большою нѣжностью и заботой. Молодой человѣкъ выросъ и сталъ до-

стойнымъ принцемъ, благороднымъ, храбрымъ и красавцемъ въ полномъ значеніи этого слова. Повсюду только и рассказывали объ его умѣ, ловкости и храбрыхъ подвигахъ; слава о немъ, увеличивающаяся съ годами, проникла уже въ чужіе края вплоть до Берберіи. Дочь короля тунисскаго, увлекавшаяся всякими геройскими подвигами и слышавъ постоянныя похвалы доблестному Джербино, заочно полюбила его. Она охотно выслушивала рассказы иностранцевъ о прекрасномъ и благородномъ принцѣ.

Сама принцесса также пользовалась всеобщей любовью. Она была во всѣхъ отношеніяхъ прекраснѣйшее созданіе природы, которая одарила ее всѣмъ тѣмъ, что вызываетъ восторгъ и поклоненіе. Ея красота, умъ, изящество не имѣли себѣ равныхъ, а всѣ внутреннія качества вполне гармонировали съ наружной прелестью. Благородная по своей натурѣ, она любила выслушивать и говорить о благородствѣ принца Джербино, уважала и любила его, не будучи съ нимъ знакома лично.

Какъ слава о выдающихся подвигахъ Джербино, выходя изъ предѣловъ отечества, достигла Туниса, такъ и молва о красавицѣ принцессѣ достигла двора короля Сициліи. Молодой принцъ, постоянно слыша рассказы о ея прелести, привыкъ думать о ней постоянно. Однимъ словомъ, они заочно полюбили другъ друга.

Принцъ сгоралъ желаніемъ повидать свою красавицу, но такъ какъ самъ не могъ добиться у дѣда отпуска, то и послалъ въ Тунисъ одного своего довѣреннаго, приказавъ передать прекрасной принцессѣ, что любить ее страстно и что все, что у него есть, и самъ онъ всецѣло принадлежитъ ей.

Посланный Джербино, пріѣхавъ въ Тунисъ, переодѣлся торговцемъ и проникъ ко дворцу короля. Показывая драгоцѣнности, онъ улучилъ минуту и въ точности передалъ слова Джербино. Польщенная принцесса отвѣчала посланному, что и сама давно любить знаменитаго принца и была бы счастлива доказать ему свои чувства. Говоря это, она сняла съ своей руки драгоцѣнный перстень и просила передать его Джербино въ знакъ своей любви и уваженія.

Счастливый Джербино принялъ подарокъ, въ свою очередь послалъ ей пламенное письмо и дорогіе подарки. Между ними завязалась нѣжная переписка, полная взаимной любви и увѣреній. Между тѣмъ, король Туниса рѣшилъ выдать дочь свою замужъ и пообѣщавъ ея руку королю Гренады.

Узнавъ объ этомъ, принцесса пришла въ отчаяніе, она готова была убождать къ своему Джербино, но сдѣлать это не представлялось никакой возможности.

Вѣсть о предстоящемъ бракѣ принцессы, какъ ударъ грома, поразила Джербино. Всѣ мечты его разомъ рухнули. Онъ содрогался при мысли, что его красавица попадетъ въ объятія другого.

Король Туниса, освѣдомленный о любви Джербино къ дочери, послалъ сказать королю Сициліи о бракѣ своей дочери, при чемъ просилъ не мѣшать путешествію принцессѣ въ Гренаду. Старикъ король, Гвильомо, ничего не подозрѣвавшій о любви внука, безпрятственно далъ слово и въ знакъ своихъ дружескихъ чувствъ послалъ перчатку королю Туниса.

Успокоенный такимъ обѣщаніемъ, тунисскій король приказалъ построить огромный корабль, нагрузить его всякими драгоценностями и приготовить къ отплытію.

Принцесса, увидѣвъ эти приготовленія, послала сказать Джербино, что она отправляется въ Гренаду и что теперь наступило время доказать, насколько онъ ее любитъ.

Получивъ это извѣстіе, благородный принцъ опечалился и задумался, не зная на что рѣшиться. Онъ зналъ о словѣ дѣда, данномъ королю тунисскому. Въ концѣ концовъ страсть пересилила все остальные соображенія, и Джербино направился въ Мессину, велѣлъ построить двѣ легкія галеры, собралъ храбрый отрядъ ратниковъ и сталъ крейсировать у береговъ Сардиніи. Скоро показался корабль принцессы. Замѣтивъ его, Джербино обратился къ своимъ воинамъ съ такой рѣчью:

— Синьоры! Я думаю каждый изъ васъ испыталъ или испытываетъ чувство любви, и потому вы знаете, на что оно можетъ толкнуть человѣка. Вы поймете меня. Я признаюсь откровенно, что страсть вынудила меня увлечь васъ въ это предпріятіе. Въ данную минуту меня сжигаетъ пламя любви и во имя этого чувства я рѣшаюсь на все. Корабль, на которомъ плаваетъ обожаемая мною женщина, полонъ всякихъ драгоценностей; нападѣмъ на него, и я отдамъ вамъ всю добычу, а въ награду за свое смѣлое предпріятіе возьму только любимую женщину, все же остальное ваше.

Эта рѣчь Джербино была даже излишней; жажда богатой добычи воодушевила мессинцевъ, они схватились за весла и за оружіе, и галеры съ побѣдными кликами поспешили къ кораблю. Приблизившись къ неприятелю, принцъ предложилъ имъ сдаться и выдать принцессу. Удивленные сарацины напрасно старались доказать, что нападеніе принца будетъ нарушеніемъ данного слова.

Во время переговоровъ, принцесса показалаеь на палубѣ и Джербино увидалъ, что по красотѣ своей она превосходитъ все его представленія о ней. Джербино воспылалъ еще болѣе и послалъ сказать сарацинамъ, что не признаетъ никакихъ доказательствъ міра, не нуждается ни въ какихъ перчаткахъ, а требуетъ себя красавицу. Сарацины отказали. Завязалась жаркая битва. И тѣ и другіе потерпѣли сильныя потери. Наконецъ, Джербино велѣлъ поджечь шлюпку и подошелъ съ нею къ кораблю. Сарацины поняли, что имъ ничего не остается, какъ погибнуть или сдаться. Они вывели на палубу принцессу и убили ее на глазахъ у Джербино. Трупъ ея они бросили въ море со словами: <бери ее вотъ такую, за то, что не сдержалъ своего слова>.

При видѣ такой жестокости, принципъ овладѣла ярость. Не взирая на явную опасность, онъ съ удвоенной энергіей бросился на непріятельскій корабль, рубя направо и налево. Пламя же все сильнѣе охватывало судно.

Джербино позволилъ захватить своей дружинѣ все драгоцѣнности, самъ же приказавъ вытащить тѣло красавицы, съѣлъ на свою галеру и отплылъ въ Сицилію. Съ великими почестями и пышностью похоронилъ онъ принцессу на островѣ Устикѣ и глубоко огорченный вернулся къ себѣ. Между тѣмъ, узнавъ о печальномъ событіи, царь тунисскій отправилъ къ королю Гвильому пословъ, одѣтыхъ въ трауръ, упрекая его въ томъ, что онъ не сдержалъ своего королевскаго слова.

Это огорчило стараго короля, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возбудило сильный гнѣвъ противъ внука. Послы требовали правосудія. Гвильомо приказалъ арестовать Джербино и несмотря на просьбы всехъ вельможъ страны велѣлъ казнить его. Такимъ образомъ, онъ лучше рѣшился пожертвовать любимымъ своимъ внукомъ, чѣмъ заслужить репутацію короля, не умѣвшаго держать свое слово.

Таковъ былъ печальный конецъ этихъ двухъ платоническихъ любовниковъ, сошедшихъ въ могилу, не извѣдавъ даже радостей любви.

Новелла V.

Салернскій базиликъ.

Братья Изабеллы убиваютъ ея возлюбленнаго. Послѣдній является ей во снѣ и укаazuje мѣсто своего погребенія. Она отправляется туда, вырываетъ изъ могилы его голову и помѣщаетъ въ цвѣточный горшокъ, гдѣ садитъ базиликъ, надъ которымъ каждый день проливаетъ слезы. Братья отнимаютъ у нея цвѣтокъ и она вскорѣ умираетъ отъ горя.

Когда Элиза кончила, король похвалилъ ея разсказъ и приказалъ Филоменѣ продолжать. Послѣдняя, еще полная состраданія къ судьбѣ несчастнаго Джербино и его возлюбленной, горестно вздохнула и начала такъ:

Любезныя подруги. Въ моей новеллѣ вы не встрѣтите людей столь высокаго положенія какъ въ разсказѣ Элизы, но она несомнѣнно будетъ не менѣе трогательна. Мессина, о которой только что говорили, напомнила мнѣ случай происшедшій какъ разъ въ этомъ городѣ.

Въ Мессинѣ жили нѣкогда три брата. Послѣ смерти своего отца, богатаго негоціанта, они получили огромное состояніе. Была у нихъ сестра, по имени Изабелла, очень воспитанная и красивая дѣвушка. Братья не торопились выдать ее замужъ. Въ числѣ прочихъ у братьевъ служилъ юноша, по имени Лоренцо, умный и смѣтливый, управлявшій всѣми ихъ коммерческими дѣлами. Изабелла увлеклась красивымъ и ловкимъ малымъ. Лоренцо замѣтилъ нѣжное влеченіе красавицы и, въ свою очередь, отвѣчалъ ей пылкимъ чувствомъ. Встрѣчаясь часто, они скоро сблизились и объяснились. Взаимная любовь ихъ была полна обоюднаго очарованія. Но вотъ, однажды, ночью, когда Изабелла пробиралась въ комнату къ своему Лоренцо, ее замѣтилъ старшій братъ. Пораженный этимъ открытіемъ, молодой купецъ, однако, не выдалъ себя и на утро разсказалъ все братьямъ. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они рѣшили пока молчать, не обнаруживая позора сестры и даже не перемѣ-

шли своего любезнаго обращенія съ Лоренцо. Они полагали, что со временем найдутъ возможность, безъ лишней огласки, прекратить эту связь. Между тѣмъ время и коммерческія дѣла шли своимъ чередомъ.

Но вотъ, однажды, братья пригласили Лоренцо погулять. Они завели его въ уединенное мѣсто, убили и ехоронили тайно, а сами, вер-

нувшись въ Мессину, распустили слухъ, что послали Лоренцо по торговымъ дѣламъ.

Никто этому не удивлялся, такъ какъ и прежде это бывало черѣдко.

Однако, Лоренцо долго не возвращался. Изабетта, обезпокоенная продолжительнымъ отсутствіемъ своего милаго, не разъ спрашивала у братьевъ о причинѣ долгой отлучки Лоренцо.

Наконѣцъ, братъ сурово отвѣчалъ ей: что ты пристаешь съ этимъ Лоренцо, если ты еще осмѣлишься о немъ освѣдомляться, я тебя проучу!

Бѣдная дѣвушка не осмѣлилась продолжать свои разспросы. Она молча страдала и томилась и все ждала.

Въ долгія безсонныя ночи она со слезами на глазахъ призывала своего милаго, упрекая за продолжительное отсутствіе. Дума о немъ не покидала ее ни днемъ, ни ночью.

Вотъ, однажды, утомленная долгой безсонницей и сердечной мукой,

дѣвушка заснула и видитъ во снѣ будто передъ ней стоитъ Лоренцо, блѣдный и печальный. «Напрасно зовешь ты меня, дорогая моя,—говоритъ онъ тихимъ голосомъ,—я не могу придти къ тебѣ, твои братья убили меня, и я теперь тамъ, откуда нѣтъ возврата»; при этомъ онъ указалъ дѣвушкѣ мѣсто, гдѣ его похоронили.

Проснувшись, Изабетта залилась слезами; этотъ вѣщій сонъ смутилъ ее душу. На утро она рѣшила отыскать мѣсто, указанное призракомъ.

Отпросившись у братьевъ погулять и взявъ съ собою свою преданную служанку, она пошла туда, гдѣ по словамъ призрака находилось тѣло ея несчастнаго друга. Замѣтивъ возвышеніе, Изабетта принялась рыть землю и вскорѣ нашла еще не совсемъ разложившійся трупъ Ло-

ренцо. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ, но не имѣя времени предаваться печали, молодая дѣвушка отрѣзала ножомъ голову убитаго, завязала въ платокъ, а тѣло снова зарыла и затѣмъ возвратилась домой. Тамъ запершись въ своей комнатѣ она предалась своему горю, омывъ слезами мертвую голову своего бывшаго друга.

Чтобы скрыть отъ братьевъ эту свою драгоценность, она положила ее въ роскошную вазу, всыпала туда земли и посадила кустъ салернскаго базилика. Цѣлые дни она тщательно ухаживала за растеніемъ, поливала его померанцевой водой и своими обильными слезами. Растеніе разрослось и чудно благоухало. Дѣвушка цѣлыми днями сидѣла надъ вазой, печальная и блѣдная, не сводя своихъ потухшихъ взоровъ съ базилика, подъ которымъ покоилась голова ея дорогого Лоренцо.

Все сосѣди очень удивлялись такому поведенію дѣвушки и даже обратили вниманіе братьевъ на это обстоятельство. Братьевъ поразила перемѣна, происшедшая въ Изабеттѣ. Она страшно похудѣла, поблѣднѣла, красота ея увяла. Они часто видѣли дѣвушку всю въ слезахъ, склоненную надъ своимъ базиликомъ.

Не получая отъ нея никакого объясненія по поводу ея страннаго поведенія, братья рѣшили тайкомъ унести отъ нея вазу и осмотрѣть ее. Такъ они и сдѣлали. Поднявъ землю, они увидали подъ растеніемъ голову убитаго Лоренцо.

Испугавшись, что преступленіе ихъ откроется, они поспѣшили зарыть скорѣе эту голову, а сами покинули Мессину.

Дѣвушка, огорченная исчезновеніемъ своей вазы, постоянно умоляла со слезами вернуть ей ея драгоценность. Душевные муки скоро окончательно сломили ея силы и она умерла, тоскуя о своемъ базиликѣ.

Такъ погибла эта жертва несчастной любви.

Впослѣдствіи по этому случаю кто-то написалъ романсъ, который начинается такъ:

Какой недобрый смертный
Похитилъ мой базиликъ?

Новелла VI.

Два сновидѣнія.

Молодая дѣвушка рассказываетъ своему возлюбленному о снѣ, который она видѣла тотъ, въ свою очередь, передаетъ ей, какой сонъ приснился ему, и внезапно умираетъ въ ея объятіяхъ. Въ то время, когда она со своей служанкой выносятъ тѣло изъ дома, ее останавливаетъ стража, которой она объясняетъ, какъ было дѣло. Городской судья предлагаетъ ей свою любовь, но она отказывается. Отецъ, убѣдившись въ ея невинности, возвращаетъ ей свободу. Но она не желаетъ больше жить въ свѣтѣ и поступаетъ въ монастырь.

Новелла, только что рассказанная Филоменой, очень понравилась дамамъ, потому что онѣ нѣсколько разъ слышали пѣсенку, упомянутую въ новеллѣ, но никогда не знали, несмотря на неоднократныя просьбы, по какому случаю она была сочинена. Когда король увидѣлъ, что Филомена окончила, онъ приказалъ Памфило приступить къ разсказу. Тогда онъ началъ такъ:

Сонъ, о которомъ говорилось въ предыдущей новеллѣ, подаль мнѣ мысль разсказать вамъ о двухъ сновидѣніяхъ предсказавшихъ будущее, въ противоположность разсказанному сну, раскрывшему тайну уже совершившагося событія. Люди, которымъ эти сны приснились, не успѣли разсказать ихъ другъ друга, какъ уже осуществилось то, что они предсказали. Вы, конечно, знаете, прелестныя дамы, что пока человѣкъ спитъ сновидѣніе кажется ему дѣйствительностью. И только проснувшись, мы сознаемъ, что кое-что изъ присниваемаго правда, кое-что правдоподобно и кое-что, наконецъ, совершенно невѣроятно. Достаточно однако, чтобы хотя что-нибудь осуществилось, чтобы люди вѣрили снамъ, какъ будто видѣли все наяву. Такъ что они даже радуются или печалятся, смотря потому, былъ ли сонъ пріятенъ или печаленъ. Другія же, наоборотъ, не придаютъ снамъ никакого значенія, пока на нихъ не обрушится несчастье, предсказанное ими. Я не порицаю ни тѣхъ, ни другихъ, потому

что не все сны правдивы, но и не все обманчивы. Мы часто имѣли возможность убѣдиться по личному опыту, какъ мало въ нихъ истины, хотя съ другой стороны новелла, рассказанная Филоменой, показываетъ, что бываетъ и обратно. Доказательствомъ этого можетъ служить также то, что я вамъ сейчасъ расскажу.

Въ городѣ Бреччїи проживалъ нѣкогда одинъ дворянинъ, по имени Негро да-Понте-Караро. У него было много дѣтей, среди которыхъ особенно выдѣлялась дочь Андриола, которую природа богато одарила всеми своими дарами. Будучи уже въ возрастѣ невѣсты, она влюбилась въ одного молодого человѣка, по имени Габриелло. Онъ былъ хотя и незначительнаго происхожденія, но за то красивый и благородный.

Красавица нашла случай открыться Габриелло въ своей любви, получила взаимность и при помощи своей служанки стала часто видѣться съ предметомъ своей страсти. Влюбленные обмѣнялись клятвами въ вѣчной любви и вѣрности. Вотъ, однажды, Андриола видѣть во снѣ, что она находится въ саду вмѣстѣ со своимъ Габриелло, котораго держитъ въ своихъ объятіяхъ. Вдругъ она замѣчаетъ, что отъ тѣла ея возлюбленнаго отдѣлилась какая то темная масса, не имѣющая опредѣленной формы, нѣчто ужасное, и что это чудовище вырываетъ изъ ея рукъ Габриелло и исчезаетъ съ нимъ къ ужасу Андриолы.

Дѣвушка проснулась въ страшномъ испугѣ, и хотя нѣсколько успокоенная, что это только лишь сонъ, она все-таки долго не могла придти въ себя. Недоброе предчувствіе сжимало ей сердце. Она старалась отклонить Габриелло отъ назначеннаго въ эту ночь свиданія. Но такъ какъ тотъ настаивалъ, то любящая женщина не въ состояніи была противиться. Они встрѣтились въ саду у фонтана по обыкновенію. Габриелло хотѣлъ узнать, почему его возлюбленная отговаривалась отъ этого свиданія. Андриола рассказала свой сонъ, свое безпокойство и свое недоброе предчувствіе. Габриелло смѣялся надъ ея легковѣріемъ, уговаривалъ ее не вѣрить снамъ. — Я и самъ не придаю значенія сновидѣніямъ — добавилъ онъ, — вѣдь, еслибы я этому вѣрилъ, то, конечно, и не пришелъ бы сюда. Представь, что и самъ я видѣлъ во снѣ, нѣсколько дней тому назадъ, что нахожусь въ громадномъ лѣсу, гдѣ я поймалъ красивую бѣлую серну. Она скоро сдѣлалась ручной. Я ласкалъ это прекрасное созданіе, надѣлъ ей на шею золотой обручъ, съ такой же цѣпью и держа въ рукахъ водилъ ее по лѣсу. Утомившись, я присѣлъ отдохнуть, серна легла у моихъ ногъ, положивъ голову ко мнѣ на колѣни. Вдругъ откуда не возьмись громадная черная страшная львица появилась предо мною. Въ одно мгновеніе бросается она на меня, бѣшено раздираетъ когтями лѣвую сторону груди, какъ бы желая вырвать мое сердце. При этомъ я почувствовалъ такую сильную боль въ груди, что даже проснулся, схватился за лѣвый бокъ, но не найдя никакой раны успокоился. Много я видалъ страшныхъ сновъ и не вѣрю въ нихъ, — ничего

со мною не случилось худого, а потому и твой сонъ не имѣть, право, никакого значенія. Не будемъ думать объ этомъ.

Однако, этотъ рассказъ усилить страхъ молодой женщины, но не желая безпокоить друга, она старалась не подать вида, что разстроена и продолжала нѣжно ласкать своего милаго, не спуская съ него пристального взгляда.

Вдругъ Габріелло вскрикнулъ и побѣднѣлъ. Я умираю прощентали его побѣднѣнія губы, и онъ безъ чувствъ повалился къ ея ногамъ.

Перепуганная Андриола, схватила его за руки,—что съ тобою любовь моя?—вскричала дѣвушка.

Но молодой человекъ уже ее не понималъ, предсмертный хрипъ слышался у него въ груди и черезъ нѣсколько мгновений его не стало.

Обезумѣвшая дѣвушка, обливала горькими слезами блѣдное лицо друга, звала его по имени, обнимала, цѣловала. Но все было напрасно, тѣло уже похолодѣло и ничто уже не могло призвать его къ жизни.

Въ смертельной тоскѣ Андриола, полная ужаса и отчаянія, стала звать свою служанку.

Долго объ они рыдали надъ дорогимъ покойникомъ.

— Потерявъ моего друга, моего любимаго мужа, я и сама не хочу жить,—говорила плача Андриола.—Но прежде, чѣмъ покончить съ собою, я должна похоронить этотъ дорогой трупъ.

— Не думай, госпожа, о самоубійствѣ,—утѣшала ее вѣрная служанка,—подумай, вѣдь, душа этого чуднаго человека непременно будетъ въ раю, ты же своимъ поступкомъ погубишь свою душу, значить и за гробомъ вы будете разлучены. Молись и дѣлай добрые дѣла въ память о немъ. Мы можемъ похоронить его тутъ же въ саду и ты будешь ходить на его могилу или же вынесемъ его на дорогу и родные его похоронять.

— Нѣтъ,—отвѣчала Андриола,—я хочу съ честью похоронить этого чуднаго юношу.

Она велѣла принести кусокъ шелковой матеріи, обернула тѣло покойника, сплела вѣнокъ изъ розъ и все тѣло осыпала цвѣтами.

— Его домъ недалеко отъ насъ,—сказала она служанкѣ,—отнесемъ его туда и положимъ у дверей. Пускай родственники усопшаго похоронять его съ честью.

Обливаясь слезами, она сняла съ руки перстень, которымъ обручилась съ Габріелло, и надѣвая его ему на палецъ, сказала:—дорогой другъ, если ты видишь мои слезы, если ты чувствуешь мои прощальные поцѣлуи, мое горе и муку, прими этотъ послѣдній даръ отъ той, которую ты такъ нѣжно любилъ.

Затѣмъ, она вмѣстѣ со своей служанкой осторожно понесли трупъ Габріелло. Это, однако, имъ не удалось выполнить. По дорогѣ ихъ обѣихъ захватили стражники.

— Я сдаюсь вамъ,—сказала Андриола,—и добровольно пойду за вами къ подестѣ, чтобы объяснить.

Весь печальный кортежъ двинулся въ ратушу.

Подеста, выслушавъ объясненія Андриолы, приказалъ врачамъ освидѣтельствовать трупъ, чтобы убѣдиться, не совершено ли тутъ убійство. Врачи единогласно рѣшили, что Габриелло умеръ отъ разрыва артерій.

Несмотря на полную невинность Андриолы, подеста, однако, лишь тогда обѣщала отпустить ее, если она отвѣтитъ ему на его любовныя искательства. Андриола съ негодованіемъ отвергла это.

На утро отецъ Андриолы узналъ о случившемся. Въ страхъ и горь поспѣшилъ онъ къ ратушѣ. Подеста рассказалъ ему все, что зналъ, при-

бавивъ, что твердая добродѣтель молодой женщины произвела на него глубокое впечатлѣніе и что онъ готовъ самъ жениться на ней.

Во время этого разговора вошла Андриола и, упавъ передъ отцомъ на колѣни, сказала.—Отецъ, прости меня, что безъ твоего вѣдома я избрала себѣ друга по сердцу и обручившись съ нимъ нѣжно и страстно его любила. Молю тебя, не отвергай меня и не отнимай отъ меня твоей отцовской любви.

— Дочь моя,—со слезами отвѣчалъ старикъ,—конечно, я предпочелъ бы болѣе достойный тебя выборъ, но все-таки я сожалѣю, что не заслужилъ твоего довѣрія. Твой избранникъ и мнѣ бы сталъ близокъ. Но что случилось, того не поправишь. Я похороню его, какъ своего родственника съ подобающей торжественностью.

Приготовили все для пышнаго погребенія. Тѣло Габріелло, окутанное шелковой пеленой и осыпанное цвѣтами, покоилось среди двора, куда собрались не только все родственники и знакомые покойнаго, но также и масса постороннихъ. Почти все жители города, оплакивая погибшаго юношу, провожали тѣло, неся гробъ на рукахъ.

Спустя нѣкоторое время, подеста снова предложилъ Андриюлы сдѣлаться его женой. Но молодая женщина, несмотря на просьбы отца, не хотѣла слышать ни о какомъ замужествѣ.

Вмѣстѣ со своей вѣрной служанкой она постриглась въ монастырь, гдѣ проводила время въ строгомъ благочестіи и молитвѣ.

Новелла VII.

Листъ шалфея.

Пасквино, гуляя въ саду со своей возлюбленной Симоной, натираетъ себѣ зубы листомъ шалфея и умираетъ. Симона, будучи арестована и желая показать судьямъ, какимъ образомъ умеръ Пасквино, натираетъ себѣ зубы тѣми же листьями и также умираетъ.

Когда Памфило окончилъ свою повѣсть, король, который, казалось, былъ очень тронутъ несчастіемъ прекрасной Андреолы, далъ знакъ Эмилии, что ея очередь наступила. Та немедленно начала такъ:

Мои дорогія, прелестныя подруги! Исторія, которую мы только что прослушали, навела меня на мысль рассказать вамъ другую, весьма схожую съ ней. Дѣвушка и тутъ какъ и прекрасная Андреола теряетъ своего возлюбленнаго посреди сада и подобно ей, эту несчастную арестуютъ. Она также избѣгаетъ наказанія, но не благодаря своему мужеству и не по причинѣ своей невиновности, но путемъ неожиданной смерти.

Дѣйствіе происходитъ въ нашей прелестной Флоренціи, откуда мы удалились только, чтобы разнообразить наши рассказы, но куда я возвращаюсь съ удовольствіемъ.

Не такъ давно во Флоренціи проживала одна скромная молодая дѣвушка, по имени Симона, дочь бѣдныхъ и незнатныхъ родителей, но очень хорошенькая и симпатичная.

Они, трудами рукъ своихъ, зарабатывали себѣ кусокъ хлѣба, занимаясь пражей шерсти. Нужда и заботы, однако, не охладили ея пылкаго сердечка. Дѣвушка не могла оставаться нечувствительной къ стрѣламъ амура. Искра любви вспыхнула въ ея сердцѣ, а образъ красиваго юноши, по имени Пасквино, овладѣлъ ея мыслями. Это былъ малый одинаковаго съ ней общественнаго положенія, такой же бѣдный работникъ какъ и она.

Пасквино занимался розноской шерсти. Его взоры также остановились на милой дѣвушкѣ, ея красота и скромность произвели на него впечатлѣніе. Онъ сталъ ухаживать за ней, часто заходилъ къ ней, а Симона въ его отсутствіе не переставала думать о своемъ дорогомъ Пасквино.

Молодой человѣкъ ежедневно съ нѣжностью говорилъ ей о любви своей, упрямивая отвѣтить на его пламенное чувство. Въ глубинѣ сердца Симона давно сознавала свою любовь къ Пасквино и только скромность мѣшала ей высказаться вполне. Время шло и мало-по-малу любовь юноши побѣдила стыдливость дѣвушки. Они сблизились. Любовь ихъ росла и укрѣплялась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Однако, имъ не удавалось часто пользоваться любовными радостями, такъ какъ, они были постоянно на виду.

Вотъ, однажды, Пасквино назначилъ ей свиданіе въ городскомъ саду, умоляя Симону придти въ указанное мѣсто, чтобы безъ всякаго страха и помѣхи отдаться своему нѣжному чувству.

Симона согласилась. Она взяла съ собою свою подругу, по имени Лоджину, а Пасквино пришелъ со своимъ другомъ Пуччино Стромба.

Между Лоджиной и Стромба также начиналась любовь, а потому счастливыя парочки скоро разбрелись въ разныя стороны.

Пасквино и Симона усѣлись подъ огромнымъ кустомъ шалфея. Любовно болтая, они осыпали другъ друга самыми страстными ласками. Время летѣло незамѣтно. Пасквино выразилъ желаніе устроить какъ нибудь въ саду пикникъ; во время разговора онъ совершенно машинально сорвалъ листь шалфея и, потерявъ имъ зубы и десны, замѣтилъ при этомъ Симонѣ, что растеніе это очень полезно для зубовъ. Затѣмъ, они снова заговорили о проектируемой прогулкѣ.

Вдругъ, лицо Пасквино поблѣдѣло, глаза его помутнились, языкъ не повиновался болѣе, а черезъ нѣсколько минутъ его не стало.

Перепуганная Симона, въ ужасѣ стала звать Стромбу и Лоджину. Стромба видя, что мертвый Пасквино распухъ и покрылся пятнами, вскричалъ:—Это ты негодная отравила его!

Собралися народъ, привлеченный криками Стромбо. Увидѣвъ мертвеца и рыдающую Симону все согласились съ мнѣніемъ Стромбы, что дѣвушка отравила Пасквино.

Ее арестовали. Судья приступилъ къ допросу. Ничего не понимая изъ ея сбивчивыхъ объясненій, прерываемыхъ рыданіями, онъ приказалъ

отвести ее на мѣсто происшествія, чтобы лучше провѣрить, какъ было дѣло. Тамъ еще лежало мертвое распухшее тѣло Пасквино. Все единогласно обвиняли Симону. Дѣвушка же чистосердечно стала рассказывать все, какъ было, и для большей наглядности предѣлала то, что сдѣлалъ Пас-

квино—сорвала листъ шалфея и натерла имъ десны. Стромба и остальные друзья умершаго требовали казни Симоны, какъ убійцы. Бѣдняжка молча стояла, подавленная горемъ и страхомъ за судьбу свою. Но вдругъ,

она зашаталась и тихо склонилась мертвая на траву, къ большому изумленію присутствующихъ. Такъ умерли они въ одинъ день и на одномъ и томъ же мѣстѣ. Сердца ихъ соединились и за гробомъ.

Пораженный судья, долго не могъ сообразить, что все это значить.

Наконецъ, ему пришло на умъ, что вѣроятно кустъ этотъ обладаетъ какимъ-нибудь ядовитымъ свойствомъ, потому что самъ по себѣ шалфей безвреденъ.

Судья приказалъ вырыть кустъ и сжечь, чтобы онъ не могъ никому приносить вреда.

Садовый сторожъ сталъ исполнять приказаніе, и только что приступилъ къ этому, какъ сразу же и обнаружилась причина двухъ смертей: подъ корнями растенія сидѣла огромныхъ размѣровъ жаба. Ея ядъ проникъ въ растеніе и сдѣлалъ его смертельнымъ.

Несчастную Симону похоронили вмѣстѣ съ ея возлюбленнымъ. И всѣ обвинители ея участвовали въ погребальной процессіи.

Н о в е л л а VIII.

Л ю б о в ь и с м е р т ь .

Джеромо, влюбленный въ молодую дѣвушку Сильвестру, уѣзжаетъ по просьбѣ матери въ Парижъ. По возвращеніи домой онъ узнаетъ, что его возлюбленная вышла за мужъ за другого. Онъ тайкомъ пробирается къ ней и умираетъ на ея постели. Когда его тѣло переносятъ въ церковь, туда является Сильвестра и умираетъ на его трупѣ.

Какъ только Эмилія кончила рассказъ, Неифиле, по приказу короля, начала свою новеллу:

— Дорогія подруги! Есть много людей, которые думаютъ, что они знаютъ и понимаютъ больше остальныхъ, которые ни въ чемъ не сомнѣваются и съ презрѣніемъ отвергаютъ совѣты. Въ концѣ концовъ они ни въ чемъ не успѣваютъ. Такіе люди хотятъ знать лучше, чѣмъ люди опытные; больше, чѣмъ сама природа вещей. Это слѣпое самонѣніе порождаетъ почти всѣ неурядицы и никогда не приноситъ добра и, не смотря на печальный каждодневный опытъ, число такихъ надменныхъ людей не только не уменьшается, но даже увеличивается.

Самое ужасное, самое упрямое изъ всѣхъ чувствъ, менѣе остальныхъ слѣдующее совѣтамъ,—это любовь. Упреки и увѣщанія вмѣсто того, чтобы смягчить, ослабить ее, только усиливаютъ и воспаляютъ еще больше и доводятъ до ужасныхъ результатовъ.

На эту тему я расскажу вамъ исторію про одну женщину, которая, желая настоять на своемъ, приняла крутыя мѣры для искорененія страсти изъ сердца своего сына и была причиной его смерти. Если бы она послушалась совѣтовъ умныхъ людей, она оберегла бы себя отъ этого ужаснаго несчастія.

По рассказамъ старожиловъ, въ городѣ Флоренціи проживалъ нѣкогда одинъ богатый купецъ по имени Леонардо Сигіери. Онъ былъ женатъ и имѣлъ единственнаго сына по имени Джеромо.

Вскорѣ послѣ рожденія малютки отецъ скончался. Мать и опекуны мальчика занялись его воспитаніемъ и всѣми дѣлами Леонардо, которыхъ онъ оставилъ въ образцовомъ порядкѣ.

Джеромо подросъ, сталъ видѣться съ другими дѣтьми, изъ которыхъ особенно подружился съ дочерью сосѣда портного. Съ годами эта дружба обратилась въ нѣжную привязанность. Дѣвушка платила взаимностью.

Мать много разъ укоряла и бранила юношу за это чувство.

Видя, что ничто на него не дѣйствуетъ, она стала жаловаться опекунамъ, раздумывая, какъ ей отстранить сына отъ такой опасности.

Она мечтала, конечно, не о такой партіи для своего Жеромо.

— Мой сынъ едва достигъ пятнадцати лѣтъ, какъ уже влюбился въ дочку портного Сильвестру,—говорила она.—Если теперь же не положить конецъ этой привязанности, то, конечно, онъ женится на ней, а я умру съ печали. Для того, чтобы предотвратить такую бѣду, намъ надо отослать его куда-нибудь подальше, на примѣръ, къ какому-нибудь негодяю, чтобы онъ занялся тамъ дѣломъ. Въ разлукѣ онъ охладѣетъ къ предмету своего нѣжнаго влеченія и мы современемъ найдемъ подходящую ему партію.

Опекуны вполнѣ согласились съ такими доводами. Позвали юношу: одинъ изъ нихъ сказалъ ему ласково:

— Милое дитя мое, ты уже настолько выросъ, что тебѣ пора самому заняться твоимъ дѣломъ. Намъ бы хотѣлось, чтобы ты на нѣкоторое время отправился въ Парижъ, чтобы присмотрѣться тамъ у какого-нибудь извѣстнаго негодяя къ торговлѣ, а затѣмъ и самому принять въ свои руки собственныя дѣла. Кромѣ коммерческихъ свѣдѣній, ты приобрѣтешь тамъ пріятныя и полезныя знакомства, самъ увидишь свѣтъ просвѣщенія, переймешь манеру хорошаго обращенія и благосослуживности.

Выслушавъ со вниманіемъ эту рѣчь, Джеромо, наотрѣзъ отказался исполнить ихъ желаніе, утверждая, что всѣ эти знанія онъ

можетъ приобрести и во Флоренціи, и что ни за что не поѣдетъ въ Парижъ. Сколько опекуны не уговаривали юношу,—все было напрасно.

Долѣе они не настаивали, предоставивъ это матери. Та осыпала его упреками, не столько за отказъ ѣхать въ Парижъ, сколько за его нѣжное чувство къ Сильвестрѣ.

Затѣмъ она мольбами и ласками пыталась склонить къ послушанію своего сына.

Въ концѣ концовъ этой ей удалось. Джеромо согласился поѣхать, но только на одинъ годъ. Итакъ, онъ отправился.

Всеякими ухищреніями и отсрочками продержали они Джеромо два года въ Парижѣ.

Въ разлукѣ чувство его къ Сильвестрѣ окрѣпло. Онъ возвратился во Флоренцію еще болѣе влюбленнымъ.

Сильвестру за это время выдали замужъ за молодого шатерщика. Это извѣстіе поразило Джеромо.

Хотя ничего нельзя было измѣнить, однако, сладкая надежда завоевать себѣ счастье не оставляла его.

Въ надеждѣ, что Сильвестра не охладѣла къ нему, онъ ежедневно сталъ ходить мимо оконъ ея дома. Но молодая женщина не обращала на него вниманія.

Джеромо все-таки не падалъ духомъ. Ему во что бы то ни стало хотѣлось переговорить съ ней.

Вотъ, однажды, когда Сильвестра ушла въ гости со своимъ мужемъ, Джеромо тайкомъ пробрался въ ея спальню, спрятался и сталъ ждать ея возвращенія.

Какъ только ея мужъ заснулъ, Джеромо тихо подкрался къ постели молодой женщины.

Дотронувшись нѣжно до ея руки, онъ шепнулъ:

— Не пугайся, моя дорогая, это я, твой Жеромо, который все также безумно любить тебя и будетъ любить и за гробомъ.

Сначала Сильвестра испугалась, затѣмъ, узнавъ голосъ Джеромо, стала умолять оставить ее.

— Уйди отсюда, прошу тебя, — говорила она, — я замужемъ, ты знаешь, и хочу остаться вѣрной своему мужу, онъ такъ любить меня. Заклинаю тебя, оставь меня, не смущай мой покой и не требуй невозможнаго.

Сердце Джеромо сжималось отъ тоски и муки. Никакія мольбы не могли склонить упорства молодой женщины.

Какъ онъ не доказывалъ ей свою любовь, сохранившуюся въ разлукѣ, какъ ни напоминалъ о прошломъ, о ихъ былой нѣжности — ничего не помогало. Пламя любви жгло сердце Джеромо, но все тѣло его дрожало отъ холода и волненія.

Джеромо сталъ просить у ней, какъ милости, позволить прилечь рядомъ съ ней, чтобы сколько-нибудь отогрѣться, общаясь совершенно не коснуться ея.

Сильвестра уступила его трогательной просьбѣ, но согласилась съ тѣмъ только, чтобы онъ ничего не говорилъ о своемъ чувствѣ.

Молодой человѣкъ осторожно прилегъ рядомъ съ молодой женщиной.

Размысливая о томъ, что ему нельзя вернуть прежняго чувства Сильвестры, онъ рѣшилъ лучше разстаться съ жизнью, чѣмъ потерять обожаемую особу.

Сложивъ руки на груди, Джеромо собралъ всю силу воли, чтобы задержать дыханіе.

Въ такомъ положеніи онъ и умеръ.

Обезпокоенная его неподвижностью, Сильвестра стала будить его, думая, что онъ заснулъ.

Его окоченѣвшее тѣло очень изумило ее. Молодая женщина толкнула его сильнѣе, но Джеромо не просыпался. Она стала звать его, тормошить, но все напрасно. Передъ ней лежалъ холодный, бездыханный трупъ ея прежняго друга.

Въ страхѣ и смятеніи она не знала, что предпринять. Наконецъ, рѣшилась разбудить мужа.

Она рассказала ему все подробно, но такъ, какъ будто это случилось съ одной изъ ея знакомыхъ. Въ заключеніе спросила мужа, какъ бы онъ поступилъ въ этомъ случаѣ.

Добрякъ отвѣчалъ, что покойника слѣдовало отнести къ порогу его дома, а женѣ не дѣлать ничего дурнаго, такъ какъ она не виновата.

— Вотъ и намъ такъ надо поступить, — прошептала она, — и съ этими словами приложила руку мужа къ мертвому тѣлу Джеромо.

Страшно встревоженный мужъ вскочилъ съ постели, зажегъ свѣчу, взвалилъ на плечи трупъ и отнесъ его къ порогу дома его матери.

Женѣ же онъ не сказалъ ни слова, вполне повѣривъ въ ея невинность.

На утро вѣсть о смерти Джеромо облетѣла весь городъ. Мать юноши была безутѣшна.

Врачи освидѣтельствовали покойника и, не найдя никакихъ насильственныхъ знаковъ смерти, объявили, что онъ умеръ отъ горя.

Облегшись въ трауръ, мать и знакомые покойнаго отнесли его въ церковь.

Мужъ Сильвестры посоветовалъ ей также пойти туда и, вмѣшавшись въ толпу женщинъ, послушать, что говорятъ о смерти Джеромо.

— Я и самъ схожу, — прибавилъ онъ.

Молодая женщина отправилась. При видѣ мертваго Джеромо, сердце ея какъ будто растаяло, глубокая жалость охватила ее: бывшее чувство снова запылало въ ея груди. Чуждый для нея живой, онъ мертвый сдѣлался безконечно дорогъ ей.

Съ крикомъ невыразимой муки бросилась она къ своему Джеромо, любимому другу дѣтства и властителю ея дѣвичьихъ думъ.

Горе моментально отняло у нея жизнь. Женщины бросились ее поднимать. Передъ ними уже лежалъ другой трупъ.

Мужъ Сильвестры, обливаясь слезами, рассказалъ все происшедшее въ минувшую ночь. И все поняли причину этихъ двухъ смертей.

Въ жизни они не могли наслаждаться любовью, за то смерть соединила ихъ навѣки.

Новелла IX.

М е с т ь.

Синьоръ Гильомо ди-Россильоне даетъ своей женѣ съѣсть сердце любимаго ею Гильомо Гвардастаньо, убитаго мужемъ. Она узнаетъ объ этомъ, выбрасывается изъ окна, умираетъ и поκειται въ одной могилѣ съ возлюбленнымъ.

Новелла Непфиле глубоко тронула все общество. Когда она окончила, король, за которымъ теперь было слово, не желая отнимать привилегіи у Дюнео, началъ такъ:

— Въ виду того, что несчастія любви настолько васъ трогаютъ, мои любезныя дамы, я вспомнилъ одну новеллу, которая должна заинтересовать васъ не менѣе предыдущей, потому что участвующія въ ней лица были знатнаго происхожденія, а само приключеніе гораздо трагичнѣе.

Разсказываютъ, что въ Провансѣ жили нѣкогда два благородныхъ рыцаря. Одного звали Гильомо Россильоне, а другаго Гильомо Гвардастаньо.

Оба прославленные военными доблестями, оба дружные между собою, они на всѣхъ турнирахъ и празднествахъ являлись всегда вмѣстѣ съ одинаковымъ девизомъ на щитахъ.

Замки ихъ обоихъ находились недалеко другъ отъ друга.

Узы дружбы, однако, не помѣшали Гильомо Гвардастаньо безумно влюбиться въ красавицу-жену Россильоне.

А такъ какъ она цѣнила выдающіяся достоинства рыцаря, его храбрость и благородство, то поклоненіе его не только льстило ея самолюбію, но и пробудило въ ея сердцѣ отвѣтную страсть.

Они объяснились и красавица дала ему полное доказательство своей любви.

Какъ не скрывали свою взаимную страсть влюбленные, Ростильоне замѣтилъ ихъ связь. Съ этого момента онъ возненавидѣлъ своего друга Гвардастаню и рѣшилъ непременно его убить. Однако, онъ умѣлъ скрывать свою ненависть гораздо лучше, чѣмъ любовники свое чувство.

Назначенъ былъ большой турниръ. Россильоне пригласилъ Гвардастаню къ себѣ, чтобъ обдумать планъ означеннаго турнира. Другъ его отвѣчалъ, что явится на другой день къ нему на ужинъ.

Россильоне рѣшилъ, что насталъ моментъ, благопріятный для удовлетворенія чувства мести.

Онъ вооружился, сѣлъ на коня и въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ спрятался въ засадѣ въ лѣсу, по которому былъ долженъ проѣхать Гвардастаньо.

По прошествіи нѣкотораго времени Россильоне увидалъ ѣхавшаго рыцаря съ двумя слугами. Всѣ они были безоружены. Онъ бросился на него и съ яростью вонзилъ свое копье прямо ему въ сердце:—вотъ какъ мстять за лицемѣріе!—крикнулъ онъ при этомъ.

Гвардастаньо, не издавъ не единого звука, палъ мертвый.

Слуги не стали ловить убійцу. Перепуганные на смерть, они поскакали въ замокъ своего господина.

Россильоне сошелъ съ коня, разрѣзалъ ножомъ грудь своего бывшего друга, своими руками вырвалъ его сердце и велѣлъ слугамъ свезти его домой. Строго запретивъ разсказывать о случившемся, поздно ночью вернулся онъ въ замокъ.

Жена Россильоне ждала Гвардастаньо къ ужину.

Обезпокоенная его долгимъ отсутствіемъ, она спросила, почему долго нѣтъ ихъ ожидаемаго гостя.

Россильоне отвѣтилъ, что Гвардастаньо прислалъ сказать, что не будетъ до завтра.

Это извѣстіе нѣсколько смутило красавицу.

Россильоне позвалъ своего повара и сказалъ ему:—вотъ тебѣ кобанье сердце, приготовь изъ него самое вкусное блюдо и пришли мнѣ на ужинъ.

Поваръ приложилъ всѣ старанія и приготовилъ превосходное жаркое.

Супруги сѣли за столъ. Россильоне ѣлъ мало. Злодѣяніе отняло у него аппетитъ. Подали и новое блюдо: Россильоне особенно рекомендовалъ его женѣ, прося попробовать.

Красавица стала ѣсть и, найдя его очень вкуснымъ, сѣла все съ большимъ аппетитомъ.

— Какъ же ты находишь это блюдо?—спросилъ ее рыцарь.

— Мнѣ оно очень понравилось,—отвѣчала жена.

— Ну, это понятно, и въ мертвомъ видѣ тебѣ пріятно то, что такъ нравилось въ живомъ.

— Что же это вы мнѣ дали?—спросила дама.

— Я угостилъ тебя сердцемъ вѣроломнаго Гвардастаньо. Да, я вырвалъ его у него изъ груди собственными руками.

Это извѣстіе глубоко поразило красавицу. Ея собственное сердце разрывалось на части.

— Вы поступили не какъ рыцарь, а какъ самый послѣдній негодяй,—сказала она мужу.—Гвардастаньо не виноватъ. Я измѣнила вамъ и замарала вашу честь, такъ я и должна была нести наказаніе.

Но Богу не должно быть угодно, чтобы послѣ такой пищи, какъ сердце благороднаго и доблестнаго рыцаря Гвардастаньо, была принята какая-либо другая пища!—и съ этими словами молодая женщина вы-

бросилась изъ окна замка. Окно было очень высоко, а потому она разбилась до смерти.

Гильомо Россильоне понялъ тогда, какое низкое дѣло совершилъ онъ. Изъ страха передъ правосудіемъ онъ бѣжалъ. Всѣтъ объ этомъ происшествіи разнеслась по всей странѣ. Мертвые останки двухъ влюбленныхъ похоронили вмѣстѣ. Всѣ искренно оплакивали несчастныхъ. На гробницѣ ихъ начертана была эпитафія, въ которой изображена была вся исторія ихъ печальной любви.

Новелла X.

Приключенія мнимаго покойника.

Жена одного врача, принявъ свсего любовника, выпившаго снотворное, за мертвеца, прятеть его въ сундукъ, который уносятъ къ себѣ домой двое ростовщиковъ. Мнимый покойникъ просыпается, его принимаютъ за вора. Служанка дамы оправдываетъ его передъ судьями, сообщая, что сама заперла его въ ящикъ, унесенный ростовщиками. Такимъ образомъ онъ избѣгаетъ висѣлицы, а ростовщиковъ при-суждаютъ за кражу ящика къ штрафу.

Король окончилъ свою повѣсть. Очередь была только за Діонео. Тотъ, зная это и получивъ приказаніе отъ короля, началъ такъ:

— Несчастливыя приключенія любви, о которыхъ вамъ говорили, повергли ваши души въ скорбь также какъ мою: это видно по вашимъ прекраснымъ глазамъ. Признаюсь, я съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ конца. Слава Богу, теперь они окончены, и я ни въ коемъ случаѣ не думаю продолжать въ томъ же минорномъ тонѣ. Я хочу рассказать что-нибудь повеселѣе; моя новелла, быть можетъ послужитъ, добрымъ предвѣстникомъ для тѣхъ, кто будетъ рассказывать на слѣдующій день.

Не такъ давно въ г. Салерно проживалъ одинъ знаменитый врачъ хирургъ по имени Мацедела Монтанье.

Не смотря на свой уже преклонный возрастъ, онъ женился на молоденькой дѣвушкѣ, свѣженькой и хорошенькой какъ роза.

Онъ дѣлалъ все, чтобъ доказать ей свое расположеніе и что могло польстить тщеславію любимой особы. Развлекалъ ее всячески, дарилъ ей дорогіе наряды и всевозможныя драгоценности.

Одного ей только не доставало... мужъ ея слишкомъ рѣдко дарилъ ее супружескими ласками... бѣдняжка чувствовала свое одиночество... что, конечно, было ей не по вкусу.

Такъ какъ она была женщина не глупая и сообразительная, то и рѣшила устроиться въ этомъ отношеніи иначе.

Послѣ нѣкоторыхъ размышленій и внимательнаго обзора всѣхъ своихъ знакомыхъ молодыхъ людей, она рѣшила подарить свое расположеніе одному господину по имени Руджіери Джероли, чоловіку, хотя пользовавшемуся скверной репутаціей, но за то красивому и видному. Руджіери, въ свою очередь, также былъ не прочь отвѣтить нѣжной страстью хорошенькой женщиной. Они сблизились.

При помощи вѣрной служанки, супруга доктора устраивала себѣ пріятныя свиданія со своимъ другомъ.

Молодая женщина не разъ просила Руджіери, хотя изъ любви къ ней, оставить свое безобразное поведеніе и неблаговидныя предѣлки.

Отъ времени до времени она дарила ему деньги и драгоценности, чтобы сколько-нибудь отклонить его отъ мошенничества и безпутства. Конечно, Руджіери обѣщаль оставить свою безпорядочную жизнь, но его ничто не исправляло. Все шло по прежнему.

Свою взаимную любовь они скрывали очень искусно.

Однажды доктора Мацео пригласили къ одному больному.

Осмотрѣвъ пораженную ногу своего пациента, докторъ объявилъ, что тутъ, во всякомъ случаѣ, необходима операція, ибо слѣдуетъ вынуть пораженную кость. И такъ какъ подобная операція слишкомъ мучительна, то хирургъ рѣшилъ сдѣлать ее не иначе, какъ усыпивъ пациента.

Дома онъ приготовилъ необходимое для этого средство и, никому не предупредивъ, влилъ его въ графинъ и поставилъ на окно.

Операція была назначена на слѣдующій день. Но только что было Мацео собрался идти къ своему пациенту, какъ получилъ настоятельно приглашеніе отъ своихъ друзей изъ Мольфи по серьезному дѣлу.

Докторъ отложилъ операцію и отправился въ Мольфи.

Жена въ его отсутствіи пригласила своего Руджіери.

Онъ дожидался ее въ спальнѣ. Почувствовавъ жажду, Руджіери налилъ себѣ стаканъ воды изъ графина, что стоялъ на онѣ, и выпилъ залпомъ. Его тотчасъ же одолѣлъ сонъ и онъ повалился, какъ убитый.

Пришла его дама и, увидѣвъ спящаго возлюбленнаго, принялась его будить. Однако, всѣ усилія растолкать его оказались тщетными. Отъ ея усердныхъ толчковъ тѣло Руджіери свалилось на полъ, какъ безжизненное.

Всѣ мѣры привести его въ чувство ни къ чему не повели. Молодой чоловікъ не двигался. Перепуганная дама рѣшила, что онъ умеръ.

Что ей было дѣлать? Прежде всего, конечно, слѣдовало позаботиться о спасеніи своей репутаціи, т. е. поскорѣе убрать тѣло.

Одной это сдѣлать было невысимо. Дама позвала свою вѣрную служанку и объяснила въ чемъ дѣло.

Перепуганная служанка, въ свою очередь, пыталась растолкать Руджери, но и ея усилія были тщетны.

— Куда мы его денемъ?—спрашивала въ страшномъ волненіи жена доктора.

— Я вотъ что надумала, сударыня: какъ разъ противъ насъ,—сказала служанка,—возлѣ лавки столяра стоитъ ящикъ, снесемъ туда тѣло и опустимъ въ него, ударивъ его ножомъ нѣсколько разъ. Никто не догадается какъ онъ туда попалъ. А всѣ знающіе этого

молодого человѣка и его скверное поведеніе, подумаютъ, что кто-нибудь убилъ его за какую-нибудь продѣлку.

Такъ и сдѣлали. Молодая здоровая служанка взвалила себѣ на плечи тѣло Руджери и онъ вдводемъ осторожно выбрались изъ дома, опустили тѣло въ ящикъ и закрыли крышкой.

Но еще днемъ этотъ ящикъ соблазнилъ двухъ молодыхъ ростовщиковъ-сосѣдей. Они рѣшили ночью завладѣть имъ.

И, дѣйствительно, когда всѣ кругомъ погрузились въ сонъ, эти двое молодцовъ забрали ящикъ, унесли его къ себѣ домой и поставили въ комнату, рядомъ со спальней ихъ женъ, а сами завалились спать.

Руджери все время находился еще безъ сознанія.

Но вотъ, подъ утро, дѣйствіе соннаго зелья стало ослабѣвать, неподвижность исчезла, самочувствіе къ нему вернулось. Онъ совершенно пришелъ въ себя.

— Гдѣ это я?—подумалъ съ недоумѣніемъ оглядываясь молодой человѣкъ.—Помню, что пришелъ на свиданіе, а затѣмъ, что было далѣе—не знаю.

Ящикъ былъ не особенно обширенъ. Руджіери отлежалъ себѣ бокъ, что причиняло ему боль. Онъ захотѣлъ перемѣнить положеніе, повернулся, но сдѣлалъ это такъ неосторожно, что ящикъ опрокинулся. Стукъ при паденіи былъ настолько силенъ, что женщины проснулись. Крышка ящика отлетѣла и Руджіери осторожно вылѣзъ изъ своей тюрьмы. Озираясь, тихо пошелъ онъ бродить по комнатѣ, ища какого-либо выхода.

Услышавъ грохотъ, а затѣмъ шумъ шаговъ, проснувшіяся женщины страшно перепугались, стали звать своихъ мужей, но тѣ такъ крѣпко спали, что ничего не слышали; женщины бросились къ окну съ громкимъ крикомъ:—воры, помогите!

Сбѣжался народъ, проснулись и хозяева-ростовщики.

Скрутили они руки молодцу и передали прибывшимъ сержантамъ.

На утро разошлась вѣсть по городу, что Руджіери пойманъ и арестованъ за то, что хотѣлъ обокрасть ростовщиковъ.

Услыхала объ этомъ и жена доктора.

Ее терзала мысль, что другъ ея погибъ: надо было попытаться его спасти, но какъ?

Тѣмъ временемъ ея мужъ вернулся изъ Мольфи и собрался на операцию къ своему пациенту. Взялъ онъ графинъ, оставленный на окнѣ, и видитъ, что воды не осталось тамъ ни капли.

Почтенный хирургъ разсердился и сталъ браниться и шумѣть, что вода исчезла. Его супруга, разстроенная печальнымъ исходомъ съ Руджіери, не расположена была вовсе выслушивать выговоры своего мужа, а потому сердито замѣтила, что не стоило дѣлать столько шума изъ-за стакана простой воды.

— Да, вѣдь, это снотворная жидкость, вода приготовленная для моего пациента!

Тогда докторша сообразила, какую воду выпилъ Руджіери и какія послѣдствія произошли отъ этого.

— Что же дѣлать? тебѣ придется приготовить другую воду,—сказала она мужу,—эту, вѣроятно, разлили.

Въ это время вернулась служанка, которую она посылала узнать о судьбѣ Руджіери.

— Сударыня,—сказала она,—все противъ арестованнаго. Никто не хочетъ за него заступиться. Полагаютъ, что его повѣсятъ.

Докторша, во что бы то ни стало, хотѣла спасти своего друга и стала умолять служанку помочь ей въ этомъ дѣлѣ. Составленъ былъ сообща цѣлый планъ. Служанка, наученная госпожей, прежде всего, пошла къ доктору и, упавъ передъ нимъ на колѣни, просила простить ее.

— Въ чемъ простить?—спросилъ съ негодованіемъ хирургъ.

— Я виновата передъ вами,—говорила служанка. — Знаете вы, сударь, Руджіери де Джероли? Онъ ухаживалъ за мной и въ концѣ-концовъ склонилъ меня стать его любовницей. Вчера, зная, что васъ нѣтъ дома, онъ явился ко мнѣ на свиданіе. Ему захотѣлось пить, въ моей комнатѣ воды не случилось, я, чтобы не замѣтила барыня, тихонько прошла въ ваннъ кабинетъ и взяла съ окна графинъ съ водою, который замѣтила еще раньше. Онъ выпилъ воду, а я отнесла графинъ на прежнее мѣсто. Вы такъ сердитесь за эту воду, да и Руджіери погибаетъ изъ-за этого. Умоляю васъ, позвольте мнѣ пойти и постараться сказать что-нибудь въ его оправданіе.

Какъ ни досадно было хирургу за свое лекарство, но все таки это признаніе его насмѣшило.

— Ты сама себя наказала,—сказалъ онъ ей улыбаясь.— Хотѣла провести приятно время, а у тебя оказался партнеръ въ спячемъ состояніи. Иди, хлопочи объ его судьбѣ. Только уже чтобъ больше не было свиданій въ моемъ домѣ.

Служанка побѣжала въ тюрьму къ Руджіери. Тамъ она такъ устроила, что сторожъ допустилъ ее къ арестанту. Она сообщила Руджіери, какъ онъ долженъ вести себя на судѣ и что показывать. Затѣмъ отправилась къ судѣ. Судья нашелъ ее очень хорошенькой и стоящей не только его вниманія, но и болѣе близкаго знакомства. Дѣвушка отъ этого не отказывалась.

— Господинъ судья,—сказала она,—вы арестовали Руджіери Джероли по обвиненію въ воровствѣ, но это не справедливо. При этомъ она подробно рассказала всю исторію, которую докладывала и доктору, прибавивъ, что по невѣдѣнію напоила его снотворнымъ снадобьемъ, уложила его въ ящикъ который ростовщики ночью похитили.

Судья рѣшилъ провѣрить все ея показанія.

Прежде всего допросили доктора по поводу его лекарства. Потомъ призвали столяра и ростовщиковъ и убѣдились, что именно эти послѣдніе украли ящикъ. Затѣмъ привели Руджіери и спросили: гдѣ онъ провелъ ночь. Молодой человекъ отвѣчалъ, что пошелъ на свиданіе къ служанкѣ доктора Мацео, что, сидя у ней въ комнатѣ, выпилъ стаканъ воды изъ принесеннаго ею графина, и что далѣе было, не помнить. Все оказалось справедливо.

Эта исторія очень размѣшила судью. Руджіери онъ призналъ невиновнымъ и выпустилъ на свободу ростовщиковъ же наказалъ за кражу.

Нечего и говорить, какъ Руджіери, жена доктора и служанка были довольны такимъ благополучнымъ исходомъ.

Конечно, ихъ любовная интрига продолжалась, и они все трое нѣредко потѣшались, вспоминая приключеніе живого покойника.

Если первыя новеллы повергли нашихъ прелестныхъ дамъ въ печаль, за то разсказъ Діонео заставилъ ихъ хохотать до упаду, и онѣ забыли о минувшихъ горестяхъ.

Между тѣмъ король, видя, что солнце начинаетъ склоняться къ западу и что наступаетъ конецъ его власти, почелъ своимъ долгомъ извиниться передъ дамами за то, что выбралъ такую печальную тему для разсказовъ, какъ несчастія влюбленныхъ. Послѣ этого онъ всталъ, снялъ съ головы лавровый вѣнокъ и, обведя глазами нетерпѣливо ожидавшихъ дамъ, возложилъ его съ особой учтивостью на бѣлокурую головку Фіаметты.

— Передаю тебѣ этотъ вѣнокъ,—сказалъ онъ ей,—надѣясь, что ты лучше остальныхъ сможешь завтра вознаградить общество за скуку, которую оно испытало благодаря мнѣ сегодня.

Фіаметта, чудное существо, съ длинными золотистыми кудрями, ниспадавшими на нѣжныя бѣлыя плечи, съ круглымъ личикомъ, цвѣтущимъ какъ роза или лилія, съ глазами, сверкающими какъ у сокола, и съ маленькимъ ротикомъ и пурпурными губками, раскраснѣвшись отвѣчаая съ улыбкой:

— Съ удовольствіемъ беру на себя твою власть, Филострато, и для того, чтобы ты лучше запомнилъ твое сегодняшнее царствованіе, я желаю и приказываю, чтобы каждый приготовилъ на завтра новеллу на тему о любовныхъ приключеніяхъ, которыя послѣ ряда неприятностей и превратностей привели къ счастливому концу.

Всѣ захлопали въ ладоши, одобривъ превосходную программу Фіаметты.

Послѣ того, какъ новая королева призвала къ себѣ управляющаго, обеудила съ нимъ предстоящія его обязанности и сдѣлала распоряженія на слѣдующій день, она позволила всей компаніи, которая поднялась, удалиться куда кому вздумается до ужина.

Одни разбрелись по саду, краешка котораго не поддается описанію, другіе направились черезъ поля къ виднѣвшимся вдали мельницамъ, болтая и смѣясь.

Ко времени ужина всѣ собрались къ столу, который былъ по обыкновенію накрытъ на избранномъ мѣстѣ на полянѣ подлѣ прекраснаго фонтана.

Когда встали отъ стола, начались пѣніе и танцы, которыми, какъ всегда, дирижировала Филомена.

Затѣмъ королева сказала Филострато:

— Я вовсе не хочу уклоняться отъ образа дѣйствій моихъ предшественницъ и поэтому желаю, чтобы кто-нибудь пропѣлъ намъ пѣсню, а такъ какъ знаю напередъ, что твои пѣсни такъ же хороши, какъ и новеллы, поэтому прошу, дабы ты не утомлялъ насъ болѣе твоими печальными исторіями, спой намъ что-нибудь. Выбери, что хочешь.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Филострато и, не заставляя себя болѣе упрашивать, спѣлъ такую пѣсню:

Со слезами я пѣсню свою начинаю...
Какъ сердце скорбитъ и рыдаетъ,
Когда обманетъ насъ призракъ любви!

* * *

Амуръ! Когда впервые зажегъ въ моемъ ты сердцѣ
Любовь къ прелестной чародѣйкѣ,
Которая заставитъ меня вѣчно вздыхать,
Тогда ты показалъ мнѣ ее столь добродѣтельной,
Что въ мукахъ за нее—нашелъ бы упоеніе.
Слишкомъ поздно, увы, замѣтилъ я
Ея коварный нравъ!

* * *

Лишь тогда я узналъ, что обмануть,
Когда меня покинула она,
Въ комъ вся была моя надежда.
А я мечталъ, что изъ всѣхъ
Меня она избрала, и стала ея рабомъ.
Теперь же я забыть, и въ будущемъ
Меня лишь ждуть одни страданья:
Глядѣть, какъ сердце отдала она другому,
Изгнавъ меня навѣки изъ него.

* * *

Оставленный, забытый ею
Я въ сердцѣ жгучую почувствовалъ тоску,
И до сихъ поръ въ отчаяніи проклиная
Тотъ день и часъ, когда увидѣлъ я ее,
Прекрасное созданье рай.
Теперь мой духъ, въ борьбѣ смертельной,
Не вѣритъ ужъ ни дружбѣ, ни любви...

* * *

О, какъ мои страданья ужасны,
Не можешь ты, Амуръ, не слышать,
Когда въ тоскѣ тебя я призываю,
Когда я жалуясь тебѣ и жажду смерти!
Приди-жь скорѣе и расѣки однимъ ударомъ
Моей печальной жизни нить.
И чтобы тамъ меня ни ждало,
Страданья грядущія меня не запугаютъ.

* * *

Одна лишь смерть мои мученья прекратить,
Она моя надежда, утѣшенье;
Приди и прекрати страданія измученнаго сердца,
Дай счастье ей, Амуръ, а мнѣ пошли покой,
Коль въ сердце заронилъ ей новую любовь.

* * *

Пойметъ ли кто-нибудь, о чемъ пою съ тоскою?
 Мнѣ все равно. Но пѣсню эту
 Спѣть такъ, какъ я пою, никто не сможетъ.

* * *

Послѣдняя къ тебѣ осталась просьба,
 О, богъ любви—повѣдай ты любящимъ,
 Какъ тяжело испытывать отвергнутой любви страданья,
 И научи ихъ избирать подругъ любви достойныхъ.

Слова этой пѣсни достаточно ясно указывали, на кого намекалъ Филострато, но это стало бы еще яснѣе, если бы вечерній сумракъ не скрылъ отъ глазъ красноту, покрывшую щеки той, о которой онъ хотѣлъ сказать и которая находилась въ это время среди танцующихъ.

Послѣ этой пѣсни спѣли еще много другихъ, пока не наступилъ часъ отдыха. Тогда, по приказанію королевы, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

